

114 02/279

М. А. КРАЕВСКІЙ.

„БЮРОКРАТИЗМЪ И РЕВОЛЮЦІЯ“.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ

Черноморскаго побережья Кавказа.

Сочи.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Москва, Трехпрудный пер.

1911.

М. А. КРАЕВСКІЙ.

„БЮРОКРАТИЗМЪ и РЕВОЛЮЦІЯ“.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ

Черноморскаго побережья Кавказа.

Сочи.

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ.
Москва, Трехпрудный пер.
1911.

16931
4/XII 1923
M

БЮРОКРАТИЗМЪ
и
РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

«Задача всякаго правительства заключается въ томъ, чтобы зорко слѣдить за наростающими потребностями жизни и затѣмъ стремиться осуществить эти потребности».

«Нельзя жизнь втискивать въ искусственно созданныя рамки. Всякое насиліе остановить поступательное движеніе впередъ парализуетъ прогрессъ и есть преступленіе».

Все это старо и избито, но невольно выступаетъ наружу, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда судьба закинетъ въ какой-нибудь далекій уголокъ нашего обширнаго отечества и станешь присматриваться и анализировать панораму жизни этого уголка. Наиболѣе рельефно это сознается гдѣ-нибудь на нашихъ окраинахъ, гдѣ жизнь еще не вошла въ свое нормальное русло и созидательная работа еще не закончена. Тамъ условія болѣе сложны и неопредѣленны; задача администратора, поставленнаго во главѣ дѣла, является серьезной и трудной, отъ него ожидается творческая работа, а много ли такихъ сознательныхъ работниковъ на Руси, да и есть ли они еще среди того контингента лицъ, изъ коихъ пополняются кадры этихъ маленькихъ боговъ?

Невольно вспоминаются начальныя, классическія строки исторіи нашего отечества: «Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ», а затѣмъ еще болѣе обидное исканіе на сторонѣ: «Придите и княжите у насъ». Кажется и теперь недалеко мы ушли отъ этой первой странички исторіи и боязно сознаться, что не пришлось бы опять «нѣмца» звать на подмогу.

Если для примѣра взять хотя бы самый жгучій вопросъ нашихъ окраинъ, именно вопросъ колонизаціонный, на который въ по-

слѣдніе годы особенно затрачено много вниманія и денежныхъ средствъ, то вѣдь и здѣсь дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ въ баснѣ дѣдушки Крылова: «Лебедь, ракъ и щука».

Невольно вспоминается, какъ, напримѣръ, въ западной Сибири много лѣтъ подъ рядъ землеустроительныя партіи работали впустую и нарѣзали переселенческіе участки по извѣстному шаблону, не считаясь съ тѣмъ, что въ зависимости отъ характера хозяйства въ той или другой мѣстности должна колебаться норма надѣла. Не хотѣли считаться и съ тѣмъ обширнымъ статистическимъ матеріаломъ, который былъ спеціально собранъ въ этой мѣстности, стоилъ казнѣ свыше 250.000 рублей и, главное, давалъ точные и опредѣленные отвѣты на всѣ вопросы по постановкѣ землеустроительныхъ работъ и переселенческаго дѣла.

А между тѣмъ переселенцы большими массами возвращаются обратно, не найдя возможнымъ основаться на отведенныхъ имъ мѣстахъ. Возвращаются нищими, потерявъ энергію и средства. Въ итогѣ, вмѣсто переселенія получается разореніе.

Для наглядности можно еще указать на переселенческіе участки, отведенные въ Сибири по всѣмъ правиламъ преподанныхъ свыше инструкцій, но въ разстояніи 600 и болѣе верстъ отъ желѣзной дороги. Правда, мѣста тамъ хороши и пшеница на диво родитъ, но за пудъ никто не даетъ двугривеннаго, и въ результатѣ получается работа «впустую» и хозяйничать нельзя.

Рядомъ съ этимъ не мѣшаетъ познакомиться, какъ, напримѣръ, въ г. Омскѣ представителями разныхъ иностранныхъ фирмъ организовано и поставлено дѣло по выработкѣ и экспорту сибирскаго масла.

Эти иностранцы, а не органы Переселенческаго Управленія, научили нашихъ русскихъ переселенцевъ изготовлять хорошій продуктъ, предоставили въ ихъ распоряженіе инвентарь и кредитъ, обезпечили сбытъ и въ заключеніе, курьезнѣе всего является то, что переселенцы для устройства молочнаго хозяйства поставлены въ необходимость арендовать землю отъ киргизовъ или отъ казны, такъ какъ отведенные имъ надѣлы недостаточны для организаціи молочнаго хозяйства.

Здѣсь не мѣшаетъ поставить вопросъ: можно ли считать дѣло по выработкѣ сибирскаго масла прочнымъ предпріятіемъ, если въ основѣ его лежитъ возможность снять въ аренду землю?

Можно подумать, что въ этой части Сибири мало свободныхъ

земель для переселенческихъ цѣлей. Но тутъ мы наталкиваемся на пресловутый вопросъ о такъ называемой «нейтральной полосѣ», который почему-то всѣ подлежащія учрежденія такъ тщательно обходятъ. Единственную краткую замѣтку можно найти въ запискѣ нашего перваго Министра земледѣлія послѣ поѣздки его по Сибири въ 1894 году. Послѣ того дѣло заглохло, хотя, казалось бы, есть о чемъ поговорить, когда дѣло касается полутора милліона десятинъ удобныхъ земель, расположенныхъ вдоль полотна желѣзной дороги.

Чтобы нѣсколько освѣтить это загадочное дѣло, небезынтересно вкратцѣ познакомиться съ его исторіей. — При водвореніи первыхъ переселенцевъ въ Западной Сибири и дабы оградить ихъ отъ набѣговъ кочевниковъ-киргизовѣ, Указомъ Императрицы Екатерины II была учреждена такъ называемая нейтральная полоса, шириной въ тридцать верстъ, которая должна была оставаться свободной и отдѣлять земли кочевниковъ отъ земель переселенцевъ, водворенныхъ къ сѣверу отъ киргизовъ. Вдоль этой полосы, имѣющей протяженіе до 600 верстъ, тянется такъ называемая «Горькая линія» земель Сибирскаго казачьяго войска, которая, такимъ образомъ, служила защитой мирнымъ поселенцамъ отъ набѣговъ киргизовъ. Въ дальнѣйшее время, когда утратилось значеніе нейтральной полосы и, пожалуй, и Горькой линіи, земли эти, согласно ходатайства Сибирскаго казачьяго войска, были предоставлены во временное пользованіе войска до того случая, когда въ нихъ встрѣтится надобность для иныхъ государственныхъ цѣлей.

При проложеніи Великаго Сибирскаго пути въ царствованіе Императора Александра III трассъ желѣзной дороги прорѣзалъ по всему протяженію нейтральную полосу и такъ какъ цѣль дороги, какъ это ясно выражено въ Высочайшемъ Указѣ, между прочимъ, заключается въ томъ, чтобы устроить путь, по которому могло бы двигаться переселеніе, осаждаясь для водворенія на земляхъ вдоль полотна желѣзной дороги, казалось бы, что вотъ наступилъ моментъ, когда земли нейтральной полосы въ первую очередь пойдутъ для переселенцевъ. На дѣлѣ, однако, вышло другое. Ко времени проложенія желѣзной дороги начинается захватъ этой земли казачьимъ войскомъ; вдоль проектированнаго трасса дороги нарѣзаются такъ называемые офицерскіе и генеральскіе участки, затѣмъ порядокъ обыкновенный:

строится дорога, идетъ отчужденіе этихъ земель подъ дорогу и въ результатѣ получается безпримѣрный случай, когда казна за свою собственную землю платитъ деньги постороннимъ лицамъ. Въ другихъ случаяхъ войско спѣшитъ сдать въ аренду крупные земельные участки вдоль полотна дороги, пишутся контракты срокомъ лѣтъ на 30 съ иностранцами, нѣмцами-овцеводами, причемъ арендная плата за весь срокъ взимается впередъ по цѣнѣ 3—6 коп. за десятину въ годъ. Мѣстами, гдѣ земли поудобнѣе, захваченная нейтральная тридцативерстная полоса расширяется и достигаетъ 50 и 60 верстъ въ ширину, далѣе идутъ земли киргизскія и уже за предѣлами ихъ отводятся участки для русскихъ переселенцевъ.

Вотъ почему, когда вы перевалите Уралъ, на всемъ протяженіи пути до Омска, васъ поражаетъ пустынность мѣстности; поселеній не существуетъ — это земли такъ называемой нейтральной полосы, но въ дѣйствительности — земли казенныя, которыя по точному смыслу Царскаго Указа, должны пойти подъ водвореніе переселенцевъ, такъ какъ земли эти отданы лишь во временное пользованіе Сибирскаго казачьяго войска до тѣхъ поръ, пока въ нихъ встрѣтится иная государственная надобность.

Вотъ какъ велось дѣло заселенія въ Западной Сибири. Будемъ надѣяться, что теперь, послѣ поѣздки Главноуправляющаго Землеустройствомъ произойдутъ какія-нибудь перемѣны, тѣмъ болѣе, что еще въ поѣздку г. Кривошеина въ Сибирь съ бывшимъ министромъ Плеве въ 1903 году онъ имѣлъ возможность познакомиться со всѣмъ этимъ матеріаломъ.

Для параллели не мѣшаетъ представить картинку того, какъ у нашихъ сосѣдей, нѣмцевъ, поставлено, напримѣръ, дѣло «Германизаціи польскихъ провинцій». Условія тамъ болѣе сложны, такъ какъ земли находятся въ частныхъ рукахъ и нужно предпринять цѣлый рядъ сложныхъ комбинацій, чтобы привести владѣльца въ положеніе необходимости согласиться на продажу земли. Но тамъ средствъ не жалѣютъ и купленное имѣніе немедленно распредѣляютъ на мелкіе участки, строятъ фермы, заводятъ полный живой и мертвый инвентарь, и на такое готовое, вполнѣ устроенное хозяйство сажаютъ колониста, который затѣмъ въ разсрочку изъ дохода фермы погашаетъ принятый на себя долгъ.

Конечно, нашему переселенцу, получающему въ лучшемъ случаѣ при водвореніи пособіе въ 150 рублей, трудно равняться съ

нѣмцемъ-колонистомъ, тѣмъ болѣе, что часть выданныхъ на обзаведеніе денегъ онъ истратитъ на продовольствіе семьи до полученія перваго урожая, найти же заработокъ въ мѣстахъ водворенія, гдѣ нѣтъ частновладѣльческихъ хозяйствъ и гдѣ такъ велико предложеніе рабочаго труда, почти невозможно.

Припоминая эти отрывки пережитыхъ впечатлѣній и вообще вдумываясь въ постановку колонизаціонной дѣятельности на нашихъ окраинахъ и не взирая на то, что дѣло это въ Россіи далеко не новое, невольно каждый разъ наталкиваешься на мысль: почему дѣло это такъ у насъ не ладится?

Казалось бы: свободныхъ земель имѣется громадный запасъ; земли эти пригодны для организаціи самыхъ разнообразныхъ хозяйствъ и выработки всякаго рода продуктовъ, сбытъ которыхъ обезпеченъ какъ на отечественномъ, такъ и на заграничномъ рынкахъ; при этомъ правительство, видимо, не жалѣетъ и средствъ на предпріятіе; за счетъ казны содержатся и кормятся громадные штаты переселенческаго персонала; ежегодно идутъ громадныя ассигнованія денежныхъ средствъ на землеустроительныя работы, и въ итогѣ результаты получаются отрицательные.

Если приглядѣться къ статистическимъ даннымъ движенія переселенцевъ на наши окраины и затѣмъ къ подсчету того громаднаго процента переселенцевъ, которые, не найдя возможнымъ основаться на отведенныхъ земляхъ, возвращаются въ Россію съ тѣмъ, чтобы поступить въ ряды голоднаго, безземельнаго пролетаріата, то, правда, есть надъ чѣмъ призадуматься.

Съ другой стороны, потребность перемѣщенія излишка населенія изъ центра на свободныя земли существуетъ. Для всѣхъ еще памятны такъ недавно пережитые волненія и безпорядки, возникшіе на почвѣ аграрной голодовки. Былъ моментъ, что дѣло такъ обострилось, что терроризованные помѣщики поголовно бросились продавать свои земли; поднимался вопросъ о принудительномъ отчужденіи частновладѣльческихъ земель, и только рядомъ жестокихъ, часто кровавыхъ репрессій, удалось подавить волненіе. Но силою принудить къ покорности не значитъ возстановить порядокъ. Причины, толкнувшія мирное населеніе подъ разстрѣлъ, не устранены. Неудовлетворенная потребность живетъ, и временно лишь острое проявленіе протеста пріостановлено; съ этимъ надо считаться и необходимо найти выходъ. Наступившее затишье не есть еще доказательство, что жизнь вступила въ

свое нормальное русло. По мiровому закону это только временная реакцiя, неизбѣжное послѣдствiе послѣ всякаго подъема энергiи. Милость Божiя, что въ теченiе послѣднихъ лѣтъ не было годовъ недорода и народной голодовки. Noth hat kein Gebot— изреченiе вѣрное и его надо помнить.

Необходимо скорѣе найти правильный выходъ изъ существующаго положенiя, и наступившiй перiодъ затишья является благопрiятнымъ. Однимъ изъ могучихъ средствъ къ удовлетворенiю ощущаемаго въ центрѣ Россiи земельнаго голода представляется переселенiе излишка народившагося населенiя на свободныя, имѣющiяся въ запасѣ земли.

Еще не близко то время, когда въ Русскомъ государствѣ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, придется поднять вопросъ о недостаточности земли для населенiя, и ощущаемое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ центра малоземелье обусловливается исключительно неравномѣрнымъ распредѣленiемъ населенiя.

Россiя, при настоящемъ положенiи, страна, главнымъ образомъ, земледѣльческая; продукты, вырабатываемые ею — это сырье, которое имѣетъ гарантированный сбытъ за границей. Такой характеръ производства страны служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствiя еще малоземелья, иначе развилась бы фабричная дѣятельность.

По пространству Россiя захватываетъ такiе обширные раiоны, и характеръ этихъ раiоновъ настолько различенъ и исключителенъ, что представляется возможность вести самыя разнообразныя хозяйства и примѣнять столь же разнообразныя культуры.

Обширныя пространства Сибири, расположенныя вдоль Великаго Сибирскаго пути, пригодны для земледѣльческаго хозяйства и посѣвовъ зерновыхъ хлѣбовъ; раiоны, болѣе отдаленные отъ желѣзной дороги, удобны для молочнаго хозяйства: масло, какъ цѣнный продуктъ, выдерживаетъ накладные расходы, сопряженные съ доставкой на рынокъ. Еще далѣе отъ дороги идетъ раiонъ для скотоводства и коневодства, и коренное населенiе—киргизы, какъ природные номады, его до извѣстной степени используютъ, хотя не только желательно, но было бы необходимо внести нѣкоторыя усовершенствованiя въ эту важную отрасль хозяйственной промышленности.

Въ Туркестанскомъ краѣ съ успѣхомъ культивируется хлопокъ—этотъ важный продуктъ, имѣющiй гарантированный сбытъ,

а между тѣмъ спросъ нашего отечественнаго рынка далеко еще не обезпеченъ, и страна много переплачиваетъ денегъ за хлопокъ, доставляемый изъ-за границы. Въ послѣднее время, кромѣ того, плодоводство въ Туркестанѣ, именно выгонка цѣнныхъ сортовъ, сдѣлало большіе шаги впередъ и, если удастся добиться болѣе совершенной организаціи транспортированія плодовъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, то этотъ цѣнный продуктъ найдетъ обезпеченный сбытъ даже на заграничномъ рынкѣ.

Наконецъ, на Кавказѣ разнообразіе всякаго рода культуръ и промышленныхъ предпріятій, которыя тамъ съ успѣхомъ и выгодою могутъ быть примѣняемы, почти, можно сказать, безконечно. Выдѣлка высокаго качества винъ, не уступающихъ заграничнымъ; промышленное садоводство и культивировка самыхъ цѣнныхъ и нѣжныхъ плодовъ—такъ называемаго «штучнаго, кабинетнаго товара»; обработка французскаго чернослива, который по качеству не только не уступаетъ, но даже превосходитъ заграничный привозной товаръ; зимняя выгонка огородныхъ овощей; экспортъ свѣжихъ цвѣтовъ, гіацинтовъ и другихъ луковичныхъ растеній, которыя не уступаютъ голландскимъ и имѣютъ то преимущество, что поспѣваютъ нѣсколько ранѣе заграничныхъ; шелководство, культура хлопка и разныхъ лѣкарственныхъ растеній; въ горахъ, на альпійскихъ пастбищахъ, выработка настоящаго швейцарскаго сыра; эксплоатація громадныхъ лѣсныхъ богатствъ; горный промыселъ, находящійся еще въ зачаточномъ періодѣ; рыбные промыслы; громадныя мѣсторожденія нефти; залежи каменнаго угля; наконецъ, по климатическимъ условіямъ и условіямъ климатолѣчебнымъ и имѣющимся тамъ цѣлебнымъ источникамъ, на Кавказѣ находится много такихъ мѣстъ, которыя какъ курорты привлекаютъ значительный наплывъ пріѣзжей публики и, если условія сообщенія будутъ усовершенствованы и будетъ обращено вниманіе на предоставленіе большихъ удобствъ для состоятельной и, слѣдовательно, болѣе требовательной публики, то несомнѣнно, ежегодно приливъ пріѣзжихъ еще увеличится, и деньги, которыя нынѣ уходятъ за границу, останутся дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстное населеніе отъ этого получитъ значительный заработокъ и выгоду; извѣстно, что за границей существуютъ цѣлые города и курорты, населеніе которыхъ живетъ исключительно за счетъ пріѣзжей публики.

Такое обиліе и разнообразіе неиспользованныхъ еще богатствъ нашихъ окраинъ, въ настоящее время еще почти незаселенныхъ, наглядно показываетъ, на что должно быть въ первую очередь обращено вниманіе.

Разумно использовать эти богатства и этимъ способомъ устранить существующія ненормальности, порождающія недовольство населенія, составляетъ прямую обязанность правительства.

Но до сего времени само правительство сознавало, что наша колонизаціонная дѣятельность плохо поставлена, и хотя въ подлежащихъ учрежденіяхъ наблюдается какъ бы тенденція поправить дѣло, на что ясно указываетъ прогрессивное увеличеніе ежегодно испрашиваемыхъ кредитовъ, но въ результатѣ получается, что: кредиты ассигнуются, деньги расходуются, переселенцы бѣгутъ обратно изъ мѣстъ водворенія, и дѣло мало двигается впередъ. Выходитъ одинъ переводъ денегъ.

Въ другихъ странахъ, на западѣ, колоніи—это богатство страны; метрополія живетъ и благоденствуетъ за счетъ своихъ колоній. У насъ же наоборотъ—окраины содержатся за счетъ центра. Есть мѣста, гдѣ весь доходъ съ извѣстнаго раіона не покрываетъ расхода на содержаніе своего начальства.

Въ Америкѣ правительство ничего не тратило на колонизацію и дѣломъ этимъ орудовали частныя коммерческія предпріятія и компаніи, которыя богатѣли за счетъ переселенцевъ, и тѣмъ не менѣе водвореніе шло успѣшно. У насъ наоборотъ—казна à fond perdu тратитъ деньги на переселеніе, и результатами недовольно даже само правительство.

Изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы у насъ свободныя пространства земель могли бы быть отчуждаемы частнымъ предпринимателямъ или акціонернымъ компаніямъ съ цѣлью ихъ заселенія, какъ это когда-то практиковалось въ Америкѣ. Такой порядокъ во всякомъ случаѣ не можетъ считаться пріемлемымъ тѣмъ болѣе, что даже и въ Америкѣ онъ нынѣ отвергнутъ. При этомъ надлежитъ также отмѣтить, что въ самой основѣ условія колонизаціи Америки и у насъ слишкомъ различны, а именно: въ Америку шли переселенцы болѣе или менѣе состоятельные и съ нихъ было чѣмъ поживиться частнымъ предпринимателямъ, у насъ же элементъ переселенцевъ, это, какъ говорится, голь перекатная, съ которой нечего взять, и, слѣ-

довательно, всякая частная инициатива, основанная на наживѣ, неминуемо потерпитъ неудачу.

По началу, когда было преобразовано Министерство Земледѣлія, промелькнула какъ будто тенденція поставить дѣло на болѣе жизненный путь; по крайней мѣрѣ, былъ сдѣланъ крупный шагъ по объединенію дѣятельности Переселенческаго Управленія и землеустройства. Затѣмъ еще, вскользь, въ одномъ изъ журналовъ Особаго Присутствія, учрежденнаго въ 1905 году, по дѣламъ Главнаго Управленія Землеустройства, намѣчались предположенія по реогранизаціи переселенческаго дѣла, но, къ сожалѣнію, предположенія эти не были разработаны и проведены въ жизнь, и въ результатѣ получились хорошія слова и пожеланія, какъ можно думать, случайно заимствованныя изъ какой-нибудь записки, находившейся въ то время на разсмотрѣніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

А между тѣмъ отъ учрежденія, которому поручено вѣдать переселенческое дѣло, казалось бы, можно ожидать, чтобы оно за время своего существованія уже представило свою точно выработанную программу постановки предпріятія.

Судя по тому, что наблюдается на практикѣ, учрежденіе это уклонилось въ сторону отъ основной задачи и преслѣдуетъ единственную цѣль раздробить изстари существующую на Руси общину, расчленивъ ее на подворныя, хуторскія хозяйственныя единицы. Намѣченную цѣль учрежденіе преслѣдуетъ упорно, насильственно навязывая населенію новую форму владѣнія и обѣщая въ видѣ приманки всякаго рода содѣйствіе и матеріальную поддержку хуторянамъ и отказываясь помогать даже въ нуждѣ общинамъ.

Не будучи сторонникомъ общиннаго владѣнія землей и ясно сознавая, что наиболѣе совершенной формой землепользованія является подворное владѣніе, тѣмъ не менѣе нельзя не считаться съ тѣмъ, что весьма часто существуютъ положенія въ раіонахъ малоземельныхъ и густонаселенныхъ, гдѣ веденіе крестьянскаго хозяйства возможно только при условіи общиннаго пользованія землей.

Равнымъ образомъ, при водвореніи переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, гдѣ даже нельзя предвидѣть въ ближайшемъ будущемъ перехода къ усовершенствованнымъ пріемамъ интенсивнаго хозяйства, какъ напримѣръ, въ Сибири, устройство переселен-

цевъ разрозненными хуторами имѣетъ свои большіе недостатки и неудобства, о чемъ неоднократно указывалось въ печати и литературѣ. Не говоря уже о дороговизнѣ, сложности и копотливости работы по отграниченію подворныхъ участковъ, необходимо также считаться и съ тѣмъ, насколько, напримѣръ, въ степныхъ мѣстахъ Западной Сибири затруднительно находить хорошую питьевую воду и рыть такое количество колодцевъ для каждаго хуторянина. Затѣмъ условія безопасности въ новомъ краѣ для переселенца, живущаго изолированно, не гарантированы. А главное, что сама жизнь еще не предъявляетъ требованія измѣнить привычную для переселенца общинную форму владѣнія, и если учрежденіе должно итти навстрѣчу и всѣми способами содѣйствовать переходу къ подворному владѣнію въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ уже назрѣлъ, и условія хозяйства и жизнь того требуютъ, то это еще не значитъ, что будетъ полезно вводить новую форму землепользованія принудительно и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она еще непріемлема.

Другое дѣло въ такихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, на Кавказѣ, гдѣ хозяйство по характеру своему можетъ быть только интенсивнымъ, должна и можетъ существовать только подворная форма владѣнія. Но тамъ, гдѣ потребность еще не назрѣла, гдѣ жизнь и условія хозяйства не предъявляютъ этого требованія, и само населеніе находитъ выгоднымъ и желательнымъ сохранить свою исконную общину, нельзя насильственно навязывать новую форму владѣнія по той лишь причинѣ, что форма эта приглянулась учрежденію, или потому, что она признается учрежденію желательной по соображеніямъ чисто фискальнаго характера.

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ общиной, какъ единицей сплоченной и сорганизованной, въ случаѣ новаго пробужденія сознанія, труднѣе справиться, но не надо забывать и того, что во Франціи, напримѣръ, не было общины и нигдѣ, однако, не дѣлалось такъ много революцій, какъ тамъ.

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти соображенія совсѣмъ не касаются учрежденія, призваннаго исполнить иную высокую функцію, а именно: дать странѣ землеустройство и этимъ способомъ предупредить возможность новыхъ непорядковъ, урегулировавъ тѣ неправильности, которыя порождаютъ недовольство населенія.

Трудно, сидя въ кабинетѣ, написать проектъ организаціи переселенческаго дѣла. Дѣло это слишкомъ жизненное и необходимо на мѣстѣ изучить всѣ условія данной страны и возможнаго хозяйства, чтобы безошибочно составить правильную схему его постановки. Издать однородный законъ, хотя бы и самый совершенный, но который бы опредѣлялъ одинаковую норму надѣла, не считаясь съ характеромъ возможнаго въ той или другой мѣстности хозяйства, создастъ только еще новыя затрудненія. Отвѣтить на вопросъ, сколько необходимо земли и сколько надо затратить средствъ для организаціи извѣстнаго хозяйства въ данной мѣстности, можетъ только жизнь, и статистика подскажетъ эти цифры.

Можно одно лишь сказать, что учрежденіе, вѣдающее землеустройствомъ страны, должно сумѣть понять нужду крестьянина, сумѣть зорко слѣдить за наростающими потребностями народнаго хозяйства и, отрѣшившись отъ всякихъ постороннихъ вліяній и тенденцій, давать только то, что требуетъ сама жизнь.

Въ нашихъ учрежденіяхъ, вѣдающихъ переселенческимъ дѣломъ, какъ-то бѣдна литература по этому важному вопросу и приходится больше учиться на практикѣ.

Въ большинствѣ случаевъ дѣло обставляютъ совсѣмъ просто: назначаютъ администратора, котораго почему-то считаютъ компетентнымъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и дѣло ему мало извѣстно, а условія порученнаго къ заселенію края совершенно незнакомы; снабжаютъ его изъ центра цѣлымъ рядомъ инструкцій, идущихъ часто въ разрѣзъ съ жизнью, и затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, удивляются, что затраченныя энергія и средства не привели къ желательнымъ результатамъ. Наиболѣе благопріятное положеніе получается въ тѣхъ случаяхъ, когда вновь назначенный администраторъ не зараженъ активной энергіей и спокойно заснетъ въ своемъ Монрепо; тогда, по крайней мѣрѣ, жизнь вступитъ въ свои права и иной разъ выльется въ нѣчто разумное, но, не дай Богъ, если администраторъ одержимъ жаждой дѣятельности и начнетъ проявлять максимумъ энергіи,—тогда начинается рядъ экспериментовъ, дѣло запутывается, и получается окончательный сумбуръ. Для наглядности стоитъ познакомиться съ исторіей заселенія нашего Черноморскаго побережья Кавказа.

Исторія эта длинная, тянется съ 1864 г., когда послѣ торже-

ственнаго молебствія въ одной изъ живописнѣйшихъ нагорныхъ долинъ побережья «Кбааде», Красная поляна тожъ, была закончена Кавказская война, и край фактически сдѣлался русскимъ.

Край этотъ настолько богатъ и разнообразенъ, что много лѣтъ надо потратить, чтобы хотя немного въ немъ разобраться. Не даромъ его зовутъ жемчужиной въ коронѣ нашего Монарха, а прибрежную полосу окрестили названіемъ русской Ривьеры. Немало потрачено тамъ казенныхъ средствъ, немало разорилось и частныхъ предпринимателей—край все еще спитъ непробуднымъ сномъ, словно въ сказкѣ заколдованная красавица, что ждетъ прихода принца, чтобы могучимъ словомъ любви пробудить ее къ жизни. Или порою чудится, что тамъ тяготѣетъ зарокъ тѣхъ бывшихъ вольныхъ обитателей, которые, отстаивая свою вольность и родину, оросили землю своей кровью и силой русскаго оружія были стерты съ лица земли.

Любили и свято хранили горцы свою вольность. При существовавшемъ родовомъ строѣ ихъ жизни они еще не доросли до сознанія идеи государственности, но идея свободы и охраны этой святыни ихъ крѣпко объединяла.

Невзирая на то, что народность эта слагалась изъ большого количества отдѣльныхъ племенъ, которыя жили своей обособленной жизнью, имѣли свои обычаи и интересы и, какъ люди первобытные, непрестанно вели споры, раздоры и войны другъ съ другомъ, но въ минуту опасности, грозившей всей народности, внутренніе раздоры смолкали и вся объединенная масса давала дружный отпоръ.

При рѣзкомъ различіи отдѣльныхъ родовъ и даже нарѣчій, существовало нарицательное имя для всѣхъ горцевъ «адыге», что значитъ въ буквальномъ переводѣ «вольный».

Характеренъ разсказъ о томъ, какъ въ разгаръ кавказской войны были вызваны старѣйшины отъ горскихъ племенъ къ одному военноначальнику, который, желая ихъ убѣдить прекратить войну и покориться русскому оружію, привелъ, между прочимъ, доводъ, что ранѣе они, какъ мусульмане, состояли подъ владычествомъ турецкаго султана, но что нынѣ султанъ подарилъ ихъ Бѣлому Русскому Царю. Тогда выступилъ одинъ изъ старѣйшихъ горцевъ и, указавъ чрезъ окно на птичку, которая сидѣла невдалекѣ на вѣткѣ, сказалъ: «Начальникъ, видишь птичку? Дарю ее тебѣ, возьми, если сможешь».

Завѣтъ свой горцы сдержали: народность погибла, но не покорилась.

Но вернемся къ исторіи заселенія этой окраины.

Вслѣдъ за окончаніемъ кавказской войны явилась мысль водворить на побережьѣ населеніе изъ казаковъ Кубанской области. Правда, было время, когда казачество сыграло свою роль въ исторіи заселенія нашихъ окраинъ, но время это миновало, и нынѣ та же исторія доказала, что казаки вообще неважные культуртрегеры. Но дѣйствовали рѣшительно, по-военному: побережье свободно отъ черкесовъ, стало-быть—перебросить черезъ главный хребетъ изъ Кубанской области казаковъ, и колонизація окончена. И скоро и хорошо. Но, какъ и слѣдовало ожидать, изъ скораго ничего хорошаго не вышло.

Охотниковъ-казаковъ, которые пожелали бы добровольно перейти жить на побережье, не нашлось, и кадры переселенцевъ комплектировались по жребію.

Привыкшіе къ приволью кубанскихъ степей, новые военные поселенцы не проявили склонности примѣниться къ новымъ пріемамъ культуры, посѣвами они также мало занимались и оставались жить на мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока имъ отпускался казенный паекъ, и съ прекращеніемъ пайка многіе разбѣжались. Въ позднѣйшее время въ уцѣлѣвшихъ военныхъ поселеніяхъ хозяйство также не процвѣтало, и казаки занимались главнымъ образомъ сборомъ фруктовъ въ старыхъ черкесскихъ садахъ, которые за переваломъ промѣнивали на хлѣбъ.

Когда, наконецъ, убѣдились, что казаки для колонизаціи мало пригодны, то былъ предпринятъ опытъ привлечь въ край иныхъ переселенцевъ, и былъ созданъ цѣлый рядъ поселеній, въ которыхъ водворили: чеховъ, молдаванъ, нѣмцевъ эстонцевъ, латышей, армянъ, анатолійскихъ грековъ и, наконецъ, русскихъ. Но все это разношерстное населеніе мало подвинуло дѣло. Поселки, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ побережья, при отсутствіи какихъ-либо сообщеній и дорогъ, отсутствіи единства и знаній, трудности хозяйничать въ пустынной, непривычной и дикой мѣстности, въ большинствѣ случаевъ влачили жалкое существованіе, изнемогая въ борьбѣ съ природой и климатомъ.

Мощная природа не дремала. Могучая растительность словно саваномъ окутала цвѣтущіе сады и виноградники бывшихъ обитателей—черкесовъ, и все заглохло, утонувъ въ морѣ колючки и

зарослей ліанъ и папоротника. На побережьѣ развились лихорадки, цѣлыя семьи поголовно вымирали; посѣвы уничтожались хищными звѣрями, и многіе поселенцы разбѣжались. Лучше другихъ приноровились къ условіяхъ края анатолійскіе греки, но и этотъ элементъ нельзя было считать прочными поселенцами. Занимаясь исключительно табакомъ, который быстро истощаетъ землю, они, по мѣрѣ того, какъ земля переставала родить, также быстро покидали насиженныя мѣста и возвращались на родину.

Словомъ, и этотъ экспериментъ не оправдалъ возложенныхъ надеждъ и ожиданій.

Тогда задались мыслью привлечь въ край капиталъ и знаніе, эти два могучихъ фактора, которые и горы двигаютъ. Жаль только, что факторы эти въ жизни довольно рѣдко совмѣщаются. Иной разъ, глядишь, знанія хоть отбавляй, да крыльевъ нѣтъ, чтобы высоко парить; въ другомъ случаѣ есть капиталъ, да толка не выходитъ. Но даже и при счастливомъ сочетаніи благопріятный результатъ далеко еще не обезпеченъ. Существуютъ препятствія, преодолѣть которыя является почти невозможнымъ, а именно: полная изолированность и отчужденность края отъ внѣшняго міра, неудовлетворительность въ то время пароходныхъ сообщеній, полное отсутствіе въ краѣ дорогъ, затруднительность, почти невозможность найти рабочихъ, отсутствіе какихъ-либо удобствъ къ жизни и предметовъ первой необходимости, наконецъ, безлюдье, пустынность и дикость края создавали условія, жить при которыхъ было невыносимо.

Но съ этимъ не хотѣли считаться, и въ 1871 году были выработаны особыя правила продажи казенныхъ земель на льготныхъ условіяхъ въ частную собственность.

Земли, конечно, раскупили, создались крупныя частныя владѣнія, но только на бумагѣ. Мало нашлось охотниковъ начать рискованное дѣло. Помнится, изъ числа 96 частно-владѣльческихъ хозяйствъ едва насчитывалось 5—6 владѣльцевъ, начавшихъ хозяйство.

Съ каждымъ годомъ положеніе ухудшалось. Умерла энергія; сама администрація, опустивъ крылья, утратила вѣру въ возможность возрожденія и въ 1891 году внесла въ высшія правительственныя сферы проектъ объ уничтоженіи автономіи губерніи и присоединеніи побережья къ Кубанской области на правахъ уѣзда. Будетъ, по крайней мѣрѣ, дешевле стоить.

Читатель пойметъ трагизмъ положенія, когда самъ чиновникъ самоотверженно пишетъ проектъ о самоуничтоженіи.

Говорятъ, пережитое горе съ годами утрачиваетъ остроту ощущенія; говорятъ, время все излѣчиваетъ... Но для тѣхъ злосчастныхъ обывателей Черноморскаго побережья Кавказа, на долю которыхъ выпала горькая участь пережить тамъ, на мѣстѣ, это кошмарное время въ исторіи края, на всю жизнь останется воспоминаніе болѣзненнаго страданія, которое лучше не тревожить.

Не разъ доводилось въ то время слышать, что и люди тамъ, на побережьѣ, какіе-то ненормальные. Пожалуй, замѣчаніе это вѣрно. Все, что было живого, жизненнаго, поспѣшило уйти; остались тѣ, которыхъ жизнь такъ или иначе выбила изъ нормальной колеи; словомъ, дѣйствительно люди ненормальные.

Утратились вѣра, энергія, утратилось сознаніе пространства времени; смѣнялись мѣсяцы, годы,—просвѣта не было...

Въ минуту пробужденія сознанія особенно обострялось ощущеніе отчужденности отъ внѣшняго міра. Въ заброшенныхъ, разрозненныхъ маленькихъ административныхъ центрахъ далекой окраины людей интеллигентныхъ почти не встрѣчалось. Общество состояло изъ двухъ—трехъ семействъ, въ большинствѣ случаевъ чиновниковъ неважнаго разряда. Сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ поддерживалось пароходами, которые по расписанію заходили только разъ въ недѣлю и, въ случаѣ непогоды, проходили мимо. Случалось по мѣсяцамъ не получать извѣстій извнѣ. Помнится, съ какимъ лихорадочнымъ трепетомъ встрѣчалось полученіе газетъ, журналовъ, а иногда и дорогой вѣсточки къ забытому человѣку. Дорогъ въ краѣ не существовало, и передвиженіе было возможно только верхомъ. При такихъ условіяхъ научаешься жить своимъ внутреннимъ міромъ, иногда даже фантазіей. Только соприкасаясь съ природой, можно было найти нѣкоторое успокоеніе. Величіе моря, непрестанный ритмичный плескъ волнъ, это ощущаемое дыханіе вѣчной жизни, которое словно нашептываетъ безконечную быль прошлаго и порою какъ бы сулитъ что-то манящее въ будущемъ, усыпляетъ больные нервы и спасаетъ отъ полнаго помѣшательства. Или когда вздымаются бурныя волны и съ ревомъ и грохотомъ несутся на берегъ, обдавая васъ пѣной и брызгами, весь отдаешься ощущенію этой картины грозной стихіи, и смолкаетъ работа угнетенной мысли.

Не менѣе отрады и въ горахъ. Два—три дня томительнаго переѣзда, и попадаешь въ невѣдомый, волшебный міръ. Тамъ—созданіе Творца, до котораго еще не коснулась рука человѣка. Окутанныя облаками вершины скалъ, громады разбросанныхъ непонятной силой обломковъ горныхъ породъ, въ расщелинахъ и складкахъ широкой бѣлой пеленой залегли глетчеры, образуя мѣстами надъ пропастью снѣжный наметъ, перебѣгая который слышишь трескъ осѣдающаго намета, а снизу—глухой рокотъ вырывающагося изъ-подъ снѣга потока талой воды.

Немало ночей доводилось коротать у костра, засыпая подъ унылую сказку воспоминаній былой вольной жизни товарища-горца. На утро охота—и день промелькнетъ. Не хочется уходить. Не хочется возвращаться къ кошмару будничной жизни.

Счастливъ еще человѣкъ, котораго чаруетъ и убаюкиваетъ природа; иначе спасенія нѣтъ, и засосетъ и загубитъ его то зелье, что, по писанію, «веселитъ сердце человѣческое».

На Руси пьютъ съ горя, пьютъ и съ радости, но больше съ горя, которое всегда въ жизни находится въ большой дозѣ.

Припоминается случай, какъ въ глухой безлюдной мѣстности, въ сторожкѣ контрольной станціи Индо-Европейскаго телеграфа коротал̀ъ свою неприхотливую жизнь злосчастный контролеръ станціи. Иногда къ нему навѣдывался въ гости пріятель-начальникъ ближайшаго и столь же пустыннаго казачьяго поста. Оба они, охотники въ широкомъ значеніи слова и поохотиться, и выпить, затѣяли какъ-то споръ о томъ, кто изъ нихъ лучше стрѣляетъ. Для рѣшенія спора зарядили ружья, и на разстояніи 60 шаговъ сперва контролеръ успѣшно вышибъ яйцо, которое товарищъ держалъ между пальцами въ рукѣ, но когда сталъ стрѣлять офицеръ, то вмѣстѣ съ яйцомъ отлетѣлъ и палецъ у контролера, который долго послѣ того гордился, что выигралъ пари.

Но это было только питье до членовредительства: раньше допивались и до «кукушки». «Кукушка», это—игра, которая заключалась въ томъ, что послѣ выпитой рюмки водки въ казармѣ тушилась свѣча, при чемъ одинъ изъ участниковъ игры, бѣгая по комнатѣ, изображалъ кукушку, а другой стрѣлялъ въ него изъ револьвера, цѣлясь по направленію звука. Если выстрѣлъ былъ неудачный, то снова выпивалась водка, и роли игроковъ мѣнялись.

Трудно понять положеніе, когда люди приходятъ къ сознанію, что только въ потерѣ сознанія находится выходъ изъ окружающаго кошмара жизни.

Но вотъ грянулъ грозный 1892 годъ. Россія голодала. Предприняты были чрезвычайныя мѣры. Были организованы общественныя работы. Вспомнили забытый край. Закипѣла работа. Изъ голодныхъ губерній было доставлено на побережье болѣе десяти тысячъ рабочихъ и руками ихъ создано по всему побережью Чернаго моря «Черноморское прибрежное шоссе», или, какъ его донынѣ зовутъ,—«Голодное шоссе».

Съ этого момента начинается новая эра въ исторіи края.

II.

Проложеніе въ 1893 году Черноморскаго прибрежнаго шоссе, или, какъ его зовутъ, «Голоднаго шоссе», сыграло громадную роль въ исторіи Черноморскаго побережья Кавказа.

Словно по волшебству, послѣ тяжелаго кошмара, пробудился и ожилъ забытый отверженный край.

Природныя богатства, мощная растительность, чарующія красоты мѣстности, мягкій, умѣренный климатъ, безбрежное дивное море—вѣчно перемѣнчивое: порою ласкающее лазурью тихихъ водъ, порою грозное—вотъ что влечетъ къ этимъ «пустыннымъ берегамъ». Каждый, кто только побывалъ на побережьѣ, не забудетъ этихъ новыхъ ощущеній, и долго послѣ того словно тянетъ въ эту сказочную страну тепла и свѣта.

А если проникнуть дальше, вглубь страны, сколько заманчиваго откроется очарованному взору.

Нагроможденныя громады горныхъ кряжей, вѣковые дѣвственные хвойные лѣса,—багатство будущихъ поколѣній,—необозримыя пространства альпійскихъ пастбищъ, нынѣ еще пустынныхъ, но въ будущемъ они оживутъ и сторицей вознаградятъ предпринимателя, который начнетъ ихъ эксплоатацію. Все это прорѣзано глубокими ущельями, по дну которыхъ между кам нями грохочутъ мутные потоки горныхъ рѣчекъ. Наконецъ, дальше, въ облакахъ, высятся отвѣсы скалъ, алмазнымъ блескомъ сверкаютъ глетчеры, тамъ первозданный хаосъ, въ безпорядкѣ разбросаны громады оторванныхъ скалъ, иногда только удается уловить очертанія давно погасшихъ кратеровъ. Жутко на этой высотѣ... Воздухъ разрѣженный; не всякій выдерживаетъ такую перемѣну давленія атмосферы. Эти мѣста доступны лишь для отважнаго охотника, но зато онъ не пожалѣетъ, если сможетъ туда добраться. Звѣрь тамъ не пуганый и человѣка не боится.

Съ разработкой шоссе явился приливъ новыхъ, свѣжихъ силъ.

Прежде всего небывалый до того времени наплывъ рабочихъ, доставленныхъ изъ внутреннихъ губерній имперіи, пораженныхъ бѣдствіемъ недорода, открылъ возможность ознакомиться съ этой окраиной. Многимъ край понравился. Крестьяне интересовались, разспрашивали объ условіяхъ переселенія и полученія земельныхъ надѣловъ. Богатыя почвенныя условія, отсутствіе почти зимы, возможность круглый годъ содержать скотъ на подножномъ корму, наконецъ, существующія высокія цѣны на рабочій трудъ, заманчиво дѣйствовали на воображеніе. Въ позднѣйшее время многіе возвращались на побережье для заработка, а нѣкоторые даже основались тамъ, приписавшись въ поселяне округа и получивъ земельные надѣлы. Но вначалѣ еще не были выработаны условія переселенія.

Прежнее «Положеніе о заселеніи Черноморскаго округа» прекратило свое существованіе. Новый законъ еще не былъ созданъ. Но, невзирая на это, можно было наблюдать, какъ по новому шоссе тянулись подводы русскихъ переселенцевъ, эти типичныя повозки съ подобіемъ кибитки на деревянныхъ обручахъ, нагруженныя дѣтьми и всякимъ скарбомъ.

Шли эти переселенцы, сами не зная куда. Одно они твердо сознавали, что тамъ—позади—нужда и безземелье, которыя двинули ихъ въ путь, а впереди—надежда найти обѣтованную землю.

Иной разъ случалось, не добившись толка отъ мѣстной администраціи, они самовольно гдѣ-нибудь осаждались, облюбовавъ мѣсто; строили хаты, начинали расчистки, посѣвы, и уже по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ учрежденныя впослѣдствіи землеустроительныя партіи случайно находили такіе затерянные въ горахъ поселки.

Положеніе такихъ случайныхъ или самовольныхъ поселковъ было въ большинствѣ случаевъ крайне тягостное. Не получая пособія отъ казны, этимъ поселенцамъ администрація отказывала даже въ медицинской помощи, ссылаясь на то, что лѣкарствами имѣютъ право пользоваться только лица, приписанныя въ поселяне округа. Вслѣдствіе сего, при плохомъ питаніи и крайней бѣдности, въ этихъ поселкахъ развились страшныя лихорадки. Цѣлыя семьи поголовно болѣли; некому бывало подать воды на-

питься, когда всѣ лежали въ жару. Смертность была значительная. А такъ какъ поселки эти не были зарегистрованы, то не велась и регистрація смертности, и бывали случаи, что данныя эти собирались путемъ подсчета могилъ на кладбищахъ.

Все это нынѣ уже пережито и отошло въ область воспоминаній, но въ то время эти картинки людского горя и страданій оставляли болѣзненное ощущеніе.

Первый, который далъ толчокъ къ возрожденію края, былъ генералъ М. Н. Анненковъ, на котораго были возложены въ голодный годъ организація и руководство общественными работами въ имперіи.

Какъ человѣкъ умный, энергичный, генералъ Анненковъ послѣ перваго подробнаго объѣзда Черноморскаго побережья Кавказа хорошо понялъ значеніе этой окраины и ея природныхъ богатствъ. Уѣхалъ онъ очарованный краемъ и подавленный царившими тамъ распорядками.

Въ Петербургѣ онъ сумѣлъ заинтересовать лицъ, отъ которыхъ зависѣла участь побережья. Пресловутый проектъ Кавказской администраціи объ упраздненіи губерніи и присоединеніи Черноморскаго округа на положеніи уѣзда къ Кубанской области былъ отвергнутъ. Побережьемъ заинтересовались. Съ этого времени происходитъ рѣзкое измѣненіе самыхъ пріемовъ въ проведеніи въ жизнь тѣхъ или другихъ начинаній и мѣропріятій. Ранѣе все исходило отъ начальника края, который по своему разумѣнію и личной инціативѣ предпринималъ тѣ или другія попытки къ устройству и заселенію побережья.

Къ сожалѣнію, надо отмѣтить, мѣропріятія велись неумѣло и хорошими результатами не увѣнчались. Теперь иниціатива всѣхъ реформъ стала исходить сверху.

Съ особой заботливостью и любовью отнеслись членъ Государственнаго Совѣта гофмейстеръ Н. С. Абаза и министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ.

Первый изъ нихъ посвятилъ всѣ послѣдніе годы своей жизни этому краю, являясь ревностнымъ ходатаемъ объ его нуждахъ и заступникомъ интересовъ населенія.

Подъ его предсѣдательствомъ была учреждена при Государственномъ Совѣтѣ особая Высочайше утвержденная комиссія для выработки законоположеній по устройству Черноморскаго побережья Кавказа. При содѣйствіи министра А. С. Ермолова,

подъ флагомъ Министерства Земледѣлія, была назначена по Высочайшему повелѣнію особая экспедиція для изслѣдованія края и составленія первой отчетной карты. Всѣ земли побережья были приведены въ извѣстность съ подраздѣленіемъ пространствъ, пригодныхъ для заселенія и для другихъ цѣлей.

Ранѣе свѣдѣній этихъ не имѣлось. Кавказская администрація, забавляясь въ теченіе тридцати лѣтъ на побережьѣ своими колонизаціонными экспериментами, не считала даже нужнымъ хотя бы изъ любопытства выяснить: какой имѣется въ распоряженіи запасъ казенныхъ земель, пригодны ли онѣ для колонизаціонныхъ цѣлей и какое количество переселенцевъ возможно водворить на побережьѣ.

Вообще, при старомъ режимѣ получалась полная иллюзія, что всѣ поселенцы округа и даже самое побережье существуетъ исключительно для забавы своего начальства.

По установленному новому порядку всѣ данныя собирались на мѣстѣ, представлялись въ комиссію гофмейстера Н. С. Абазы и легли въ основаніе всѣхъ выработанныхъ въ позднѣйшее время законоположеній.

Новый законъ о заселеніи Черноморскаго побережья Кавказа внесъ коренное измѣненіе въ самой формѣ землепользованія.

По старому положенію казенныя земли отводились поселянамъ въ пользованіе по нормѣ до 30 дес. на семью въ общинное владѣніе.

Такая форма землепользованія, какъ доказалъ опытъ, представляла одинъ изъ наиболѣе существенныхъ тормозовъ къ развитію хозяйства.

По характеру мѣстности и условіямъ хозяйства побережье, главнымъ образомъ, пригодно для садоводства, виноградства, зимней выгонки огородныхъ овощей и тому подобныхъ высшихъ культуръ. Посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ невыгодны, такъ какъ не окупаютъ затратъ и могутъ существовать лишь въ размѣрѣ удовлетворенія личныхъ потребностей населенія. Между тѣмъ при общинномъ владѣніи землею никто не гарантированъ отъ возможныхъ случаевъ передѣла земли и, слѣдовательно, не станетъ рисковать заводить какія-либо болѣе цѣнныя культуры изъ опасенія, что засаженный садъ или виноградникъ можетъ быть отобранъ. Такіе случаи даже встрѣчались въ жизни округа.

Вотъ почему въ старыхъ поселеніяхъ такъ рѣдко встрѣчаются сады, и только у нѣмцевъ, эстонцевъ и латышей можно увидѣть пространства, засаженныя фруктовыми деревьями, что объясняется тѣмъ, что эти національности, по издавна установившемуся у нихъ обычаю, при водвореніи подѣлили землю на подворные участки, каковую форму землепользованія они въ дальнѣйшемъ свято охраняли.

Новый переселенческій законъ внесъ смѣшанную форму землепользованія и, выработавъ норму душевнаго надѣла, опредѣлилъ, что по этой нормѣ на каждую семью по числу душъ мужского пола, отводится опредѣленное пространство удобной для хозяйства земли въ подворное владѣніе, остальныя же земли, какъ-то: выгонныя и для пользованія лѣсомъ и топливомъ, отводятся въ общинное владѣніе на каждый поселокъ.

Эта форма владѣнія, являясь переходной ступенью къ подворному владѣнію, хотя и гарантируетъ для отдѣльныхъ хозяевъ неприкосновенность поступившихъ въ ихъ надѣлъ участковъ, но все-таки не можетъ считаться вполнѣ совершенной, такъ какъ право распоряжаться землей, отчуждать ее и закладывать, на случай желанія получить ссуду, остается ограниченнымъ.

Существованіе этого ограниченія и служило основаніемъ при изданіи закона удовлетвориться смѣшанной формой землепользованія, такъ какъ, не имѣя права отчуждать землю, для хозяина безразлично, что выгонная и лѣсная земля остается въ общинномъ владѣніи. При отмѣнѣ этого ограниченія немедленно выгонныя и лѣсныя угодья подлежатъ также подворному распредѣленію.

Чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ дороже оно стоитъ, такъ какъ сопряжено съ большей затратой труда и денежныхъ средствъ. Стоимость окультивированной земли слагается изъ цифры продажной цѣны на землю плюсъ стоимость затраченныхъ труда и денежныхъ средствъ, при чемъ цѣна самой земли составляетъ минимальную часть стоимости обработаннаго, напримѣръ, подъ садъ и виноградникъ участка. Такимъ образомъ, ограниченіе распоряжаться такимъ участкомъ для предпринимателя равносильно запрещенію распоряжаться своимъ личнымъ трудомъ и своими денежными средствами, затраченными на предпріятіе. Ненормальность такого положенія очевидна, и въ будущемъ, несомнѣнно, подлежитъ измѣненію.

Въ настоящее время, при существующемъ положенiи, т.-е впредь до отмѣны ограниченiя распоряжаться землей, новый переселенческiй законъ въ достаточной мѣрѣ удовлетворяетъ потребностямъ жизни.

Но создать законъ еще недостаточно. Надо умѣть провести его въ жизнь. И вотъ здѣсь мы наталкиваемся на цѣлый рядъ такихъ ненормальностей и дефектовъ, при наличности которыхъ и самый совершенный законъ окажется безсильнымъ.

Въ дальнѣйшемъ, когда удастся обрисовать картину современнаго положенiя на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа, окажется легче разобраться, почему въ новыхъ поселкахъ жизнь такъ ненормально складывается и какiя причины тормозятъ возможность ихъ развитiя и процвѣтанiя.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнiю дальнѣйшихъ реформъ, предпринятыхъ на побережьѣ, нельзя не отмѣтить законоположенiя, выработаннаго въ 1896 году о такъ называемыхъ культурныхъ участкахъ.

Законъ этотъ оказался наиболѣе жизненнымъ, и результаты его наглядно сказались на протяженiи всего побережья.

Не мѣшаетъ замѣтить, что законъ этотъ былъ проведенъ въ жизнь исключительно органами Министерства Земледѣлiя, безъ участiя администрацiи края, и въ этомъ, вѣроятно, заключался залогъ его успѣха. Результаты быстро сказались. Закипѣла работа по всему побережью. Рушилась завѣса непроходимыхъ зарослей. Падали оковы цѣпкихъ объятiй ползучихъ лiанъ. Во всей красѣ предстали свободныя гиганты-деревья, расправивъ оцѣпенѣвшiя въ неволѣ вѣтви. Открылись манящiя своей прелестью прогалины, причудливо уступами сбѣгая къ лазурному простору безбрежнаго моря. Кокетливо кутаясь въ зелени, выросли дачи, а мѣстами и красивыя виллы, утопая въ цвѣтахъ и зелени пальмъ. Жаль только, что прежнiе неразумные хозяева такъ непроизводительно распорядились ввѣреннымъ ихъ попеченiю богатствомъ страны, распродавъ по дешевой цѣнѣ всѣ лучшiя земли на побережьѣ въ частную собственность. Въ результатѣ, когда, наконецъ, серьезно и разумно приступили къ устройству края, оказалось, что въ прибрежной, наиболѣе цѣнной полосѣ, за казной уцѣлѣло лишь весьма ограниченное пространство разрозненныхъ и разбросанныхъ клочками земель, пригодныхъ для высшихъ культурныхъ цѣлей.

Изъ этихъ оборышей уцѣлѣвшаго наслѣдія министръ земледѣлія соткалъ то драгоцѣнное кружево, которое нынѣ красивой панорамой окаймляетъ Черноморское шоссе. Земли эти были распредѣлены на мелкіе участки, и были выработаны особыя правила отчужденія участковъ въ частную собственность при условіи закультивированія опредѣленной площади и устройства осѣдлости.

Лицъ, домогавшихся получить землю на указанныхъ условіяхъ, явилось такое множество, что на мѣстѣ не справлялись съ технической работой по ограниченію участковъ, а въ Петербургѣ не представлялось возможнымъ удовлетворить поступающія ходатайства и многимъ пришлось отказывать. Участки раздавались съ большимъ разборомъ между соискателями изъ опасенія развитія спекуляціи, тѣмъ не менѣе нерѣдки были случаи, когда лица, выхлопотавшія себѣ участки, ихъ затѣмъ перепродавали по цѣнѣ въ десять разъ выше номинальной стоимости. А когда было обнародовано Высочайшее повелѣніе о проложеніи желѣзной дороги на Туапсе, Сочи, Сухумъ и далѣе на соединеніе съ Закавказской желѣзной дорогой, то спекуляція достигла своего апогея, и, дѣйствительно, нѣкоторые болѣе ловкіе аферисты сумѣли на нѣсколькихъ десятинахъ нажить цѣлое состояніе.

Обусловленное закономъ обязательство для предпринимателя закультивировать опредѣленную площадь купленнаго участка, создало на побережьѣ цѣлый рядъ вновь заведенныхъ садовъ. Жаль только, что за отсутствіемъ опытныхъ и добросовѣстныхъ садовниковъ какъ самая посадка, такъ и выборъ посадочнаго матеріала въ большинствѣ случаевъ велись неумѣло и нераціонально.

Обозрѣвая въ настоящее время эти сады, особенно рельефно выступаютъ всѣ дефекты. При отсутствіи раціональнаго ухода насажденія имѣютъ жалкій видъ, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ случаевъ сады носятъ характеръ любительскихъ, а не торговыхъ садовъ, и расчеты владѣльцевъ получить съ нихъ доходъ не могутъ оправдаться. Есть и болѣе печальные случаи, когда, напримѣръ, при покупкѣ посадочнаго матеріала вмѣсто итальянскаго чернослива была отпущена простая венгерка; лѣтъ шесть ухаживали за садомъ и когда, наконецъ, дождались урожая, то оказалось, что продуктъ негоденъ.

Все это объясняется тѣмъ, что съ развитіемъ горячки на побе-

режъѣ появилась цѣлая категорія лицъ, которыя, рекламируя себя спеціалистами, предлагали за дешевую цѣну свои услуги по завѣдыванію и обработкѣ участковъ, и эти «хищники-спеціалисты» загубили дѣло.

Другая слабая сторона въ дѣлѣ культурныхъ участковъ это—вопросъ дорожный.

Взыскиваемыя на дорожныя надобности при отводѣ участковъ отъ предпринимателей деньги образовали особый фондъ, предназначенный для проложенія подъѣздныхъ путей къ участкамъ, расположеннымъ въ сторонѣ отъ шоссе, иногда въ значительномъ разстояніи, и ошибка заключалась въ томъ, что руководство и наблюденіе за исполненіемъ дорожныхъ работъ на культурныхъ участкахъ, находящихся на Кавказѣ, было сосредоточено въ центральномъ учрежденіи въ Петербургѣ, и въ результатѣ деньги были израсходованы и дорогъ не имѣется.

Но невзирая на нѣкоторыя неудачи при проведеніи въ жизнь этого законоположенія, надлежитъ признать, что изъ всѣхъ предпринятыхъ реформъ законъ о культурныхъ участкахъ оказалъ наибольшее вліяніе въ дѣлѣ возрожденія побережья. Этимъ путемъ были привлечены въ край лица состоятельныя, которыя не жалѣли средствъ въ стремленіи положить начало культурныхъ хозяйствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйства эти дали хорошій заработокъ мѣстному населенію и пришлымъ рабочимъ, а главная заслуга ихъ заключается въ томъ, что хозяйства эти служили какъ бы школой, гдѣ пришлые русскіе рабочіе и прибывшіе переселенцы могли научиться пріемамъ болѣе совершенныхъ культуръ и наглядно убѣдиться, насколько выгоднѣе, напримѣръ, завести фруктовый садъ или виноградникъ, нежели заниматься посѣвами зерновыхъ хлѣбовъ и полевымъ хозяйствомъ.

Изъ этихъ лицъ, поработавшихъ болѣе или менѣе продолжительное время на культурныхъ участкахъ, многіе начали хлопотать о водвореніи на побережьѣ и, получивъ землю, изъ нихъ выработались наиболѣе стойкіе и полезные хозяева.

Все Черноморское побережье Кавказа представляетъ такое разнообразіе условій топографическихъ, климатическихъ и почвенныхъ, что требуется долгое и тщательное изученіе края и его особенностей, чтобы хотя немного разобраться и избѣжать повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя такъ часто встрѣчаются во всѣхъ вновь устраиваемыхъ хозяйствахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, край этотъ новый, хорошо поставленныхъ хозяйствъ, гдѣ возможно было бы почерпнуть требуемыя свѣдѣнія, почти не имѣется; организовать же въ своемъ хозяйствѣ необходимые опыты для изученія какой-либо культуры или дѣла для частнаго лица почти недоступно по своей дороговизнѣ и, главное, сопряжено съ затратой слишкомъ продолжительнаго дорогого времени.

Каждый хозяинъ, затрачивая деньги, мечтаетъ, чтобы сразу, по возможности широко и выгодно поставить дѣло. Всякая неудача влечетъ разочарованіе и даже охлажденіе, а всего обиднѣе бываетъ, когда, организовавъ большое предпріятіе, приходится убѣдиться, что въ самомъ основаніи была допущена крупная, въ большинствѣ случаевъ, непоправимая ошибка.

Министерство Земледѣлія и въ этомъ случаѣ пришло на помощь частнымъ предпринимателямъ, учредивъ на побережьѣ, въ Сочи и Сухумѣ, двѣ опытныхъ сельскохозяйственныхъ станціи.

Задавшись цѣлью въ широкомъ масштабѣ поставить дѣло по акклиматизаціи растеній и примѣненію разнообразныхъ культуръ имѣлось въ виду въ южной половинѣ побережья, особенно пригодной для плодоводства, выяснить наиболѣе раціональные пріемы посадки деревьевъ, установить прочный ассортиментъ плодовъ, которые лучше соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ рынка: выработать лучшіе способы сушки плодовъ, и, главнымъ образомъ, чернослива, который, какъ доказалъ опытъ, можетъ вполнѣ конкурировать съ французскимъ, а также изъ своихъ питомниковъ снабжать населеніе хорошимъ посадочнымъ матеріаломъ, которые для поселянъ предполагалось отпускать по особо удешевленной цѣнѣ...

Къ сожалѣнію, благодаря плохому подбору лицъ, завѣдующихъ станціями, намѣченныя цѣли не были достигнуты. Въ настоящее время Сочинская опытная станція, можно сказать, обратилась въ синекуру отставныхъ чиновниковъ, и во главѣ сидитъ отставной педагогъ. Въ Сухумской станціи, гдѣ дѣло поставлено значительно лучше, тѣмъ не менѣе частный предприниматель напрасно станетъ искать точныхъ, обоснованныхъ на произведенныхъ опытахъ указаній по интересующимъ его вопросамъ.

Посадочный матеріалъ на станціяхъ также невысокаго качества, такъ что предпочитаютъ пріобрѣтать его изъ частныхъ питомниковъ по дорогой цѣнѣ; а то, что́ отпускается для поселянъ по

удешевленной цѣнѣ—ниже всякой критики, это—бракъ, и хорошаго, особенно торговаго сада изъ него не выростишь.

Коснувшись опытныхъ станцій, а въ частности Сухумской акклиматизаціонной станціи (бывшій Сухумскій ботаническій садъ) всегда вспоминается одно, словно отмѣченное Провидѣніемъ мѣсто, гдѣ на сравнительно небольшомъ пространствѣ сосредоточены настолько разнообразныя условія, что если бы тамъ создать ботаническій садъ, то явилась бы возможность наглядно прослѣдить постепенную смѣну всѣхъ зонъ, начиная отъ субтропической растительности до ползучихъ хвойниковъ полярныхъ странъ и далѣе вплоть до начала глетчеровъ, вѣнчающихъ флору альпійской травянистой растительности.

Уголокъ этотъ расположенъ близъ Гагръ и въ прибрежной полосѣ настолько защищенъ отъ холода, что понынѣ тамъ сохранились въ лѣсу насажденія маслинъ, гранатъ и лавровъ, уцѣлѣвшія отъ бывшей культуры греческихъ колоній V и VI вѣковъ. Насажденія эти служатъ маяками-показателями, что въ этомъ мѣстѣ за всѣ истекшія столѣтія температура никогда не опускалась ниже опредѣленной нормы.

Непосредственно отъ моря материкъ уступами поднимается вверхъ. На предѣльной высотѣ лиственный лѣсъ смѣняется хвойнымъ; далѣе, стелятся ползучіе кустарники и начинается полоса альпійской травянистой растительности, такъ что непосредственно надъ моремъ вершины горнаго хребта достигаютъ 8—9 тысячъ футовъ высоты.

Посѣтивъ Гагры, извѣстный климатологъ профессоръ А. И. Воейковъ говорилъ, что, объѣхавъ всѣ страны Стараго и Новаго свѣта, онъ нигдѣ не встрѣчалъ такого сочетанія моря и горъ, а покойный профессоръ д-ръ О. И. Пастернацкій высказалъ пророчество, что въ будущемъ въ этомъ мѣстѣ создадутся луфтъ-курорты, которые затмятъ существующія санаторіи Швейцаріи, такъ какъ для лѣченія разрѣженнымъ воздухомъ условія здѣсь болѣе благопріятны.

Наконецъ, главная реформа, которая должна была вѣнчать начатое дѣло культурнаго обновленія страны, представляется законоположеніе объ устройствѣ административнаго управленія краемъ.

Всѣ лихорадочно ждали, въ какой формѣ выльется преобразованіе, которое дастъ импульсъ жизни.

Кавказская администрація за истеченіе 30 лѣтъ своего вла-

дычества наглядно доказала свою полную несостоятельность и поручать ей въ дальнѣйшемъ край казалось рискованнымъ. Существовали надежды и даже предположенія среди лицъ, силу имѣющихъ, изъять бывшій Черноморскій округъ изъ вѣдѣнія Кавказской администраціи и на общемъ основаніи, создавъ губернію, подчинить непосредственно Министерству. Надежды эти, однако, не осуществились, и хотя и была образована самостоятельная единица, какъ губернія, но прежнее подчиненіе Тифлису осталось въ силѣ.

Тогда зародилась мысль, не окажется ли возможнымъ изъять переселенческое дѣло изъ вѣдѣнія администраціи и поручить его Министерству Земледѣлія, гдѣ имѣются соотвѣтствующіе органы, обладающіе спеціальными знаніями, которые могли бы при водвореніи переселенцевъ преподать соотвѣтствующія указанія и познакомить съ новыми пріемами хозяйства въ новомъ краѣ. При этомъ указывалось, что дѣло заселенія Черноморскаго побережья Кавказа является исключительнымъ предпріятіемъ и его нельзя приравнивать къ заселенію Сибири или какой-либо другой окраины, гдѣ все сводится къ перемѣщенію излишка населенія изъ густо населенной мѣстности на земли свободныя. Здѣсь же необходимо, при водвореніи переселенцевъ, ихъ научить, какъ вести хозяйство и привить познанія новыхъ культуръ. Но и эта мысль не нашла осуществленія.

Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ реформа эта выразилась лишь въ перемѣнѣ названія и бывшій начальникъ Черноморскаго округа, съ правами губернатора, сталъ именоваться черноморскимъ губернаторомъ.

Подводя итоги, можно сказать—изъ ничего ничего и вышло. Одной перемѣны названія оказалось недостаточно.

Правда, высказывались обѣщанія, что на должность эту будутъ назначаться лица съ особой осмотрительностью и по особому выбору, но въ настоящее время, припоминая серію этихъ избранниковъ, становится даже жутко, когда подумаешь, каково же живется обывателю въ другихъ мѣстахъ, гдѣ назначенія ведутся не въ исключительномъ порядкѣ, а обыкновеннымъ нормальнымъ темпомъ.

Но все это сказалось лишь впослѣдствіи.

Въ то, прошлое, время, когда создавались реформы, существовало какое-то приподнятое настроеніе, которое какъ бы заслоняло анализъ переживаемыхъ событій.

Всѣ ожидали чего-то хорошаго.

Освободившись отъ 30-лѣтняго кошмара, страна вѣрила въ могущество добрыхъ геніевъ, которые вели ее на путь обновленія.

Объявленное въ то время съ высоты Престола довелѣніе о проложеніи Черноморской желѣзной дороги явилось конечнымъ актомъ, который долженъ былъ прочно обезпечить всю будущность страны.

Всѣ хорошо сознавали, что съ проложеніемъ желѣзной дороги участь побережья рѣшена. Всѣ остальныя реформы—удачныя и неудачныя—ничтожны и блекнутъ передъ этимъ событіемъ.

Этотъ моментъ въ исторіи страны былъ самымъ радужнымъ и блестящимъ, до котораго могли, правда только въ мечтахъ, подняться надежды населенія.

Но увы... все это были только мечты...

Близился 1905 годъ.

При соприкосновеніи съ событіями, грозной тучей нависшими надъ Россіей, всѣ надежды рухнули.

III.

Снова несчастье нависло надъ Кавказскимъ побережьемъ. Разразилось оно не сразу. Словно въ грозовой тучѣ исподволь накопилось электричество, чтобы съ тѣмъ большей энергіей грянулъ ударъ.

Сначала смерть унесла одного изъ наиболѣе близкихъ заступниковъ о нуждахъ побережья. Уходъ А. С. Ермолова съ поста министра земледѣлія явился такой же незамѣнимой утратой, и страна совершенно осиротѣла.

Затѣмъ, когда вся Россія стонала подъ тяжестью бѣдствія японской войны, то по естественному ходу событій нужды маленькаго далекаго уголка стушевались и отошли на задній планъ.

Наконецъ, охватившее Россію революціонное движеніе отразилось, благодаря нѣкоторымъ особымъ условіямъ, съ особой интенсивностью на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа, гдѣ въ концѣ 1905 года дѣло дошло до объявленія республикъ въ Новороссійскѣ и Сочи.

Говоря о революціонномъ движеніи, такъ интенсивно выразившемся на побережьѣ, нельзя не отмѣтить особенностей, наблюдаемыхъ въ этомъ краѣ.

Послѣ окончанія Кавказской войны населеніе, которое исподволь начало тамъ осаждаться, составлялось изъ разнородныхъ и разрозненныхъ элементовъ. Сплоченныхъ единицъ, связанныхъ сословными, хозяйственными или иными интересами и традиціями, не существовало. Изъ лицъ, болѣе интеллигентныхъ каждое исповѣдовало свою profession de foi.

Кромѣ того, земли въ то время были дешевы; земли было много, и каждый новый поселенецъ считался желаннымъ пришельцемъ особенно, если онъ принимался за хозяйство. Исподволь потянулись такіе поселенцы. Люди интеллигентные устраивались, ку-

пивъ землю, отдѣльными хуторами. Жили они обособленно, каждый сообразно своему личному складу. Иногда, по условіямъ политическимъ, лица, утратившія связь съ прежнимъ обществомъ, иногда просто безъ всякой политической подкладки, по одному лишь стремленію осѣсть на землю и своими руками ее обрабатывать, устраивались хозяйственные хутора.

Такъ, въ семидесятыхъ годахъ, послѣ Нечаевскаго процесса, близъ Новороссійска образовались хутора изъ лицъ, по политическимъ соображеніямъ ушедшихъ изъ общества. Въ другомъ мѣстѣ, близъ Лазоревскаго, основалась колонія-коммуна, но существовала она недолго, такъ какъ члены коммуны были болѣе склонны къ разговорамъ на возвышенныя темы, нежели къ работѣ.

Затѣмъ безъ всякой политической окраски образовалась колонія Еропкинская—въ Береговой, и другая колонія выше, въ горахъ, которыя можно разсматривать лишь какъ попытки осуществить на практикѣ начала соціальныхъ ученій.

Въ позднѣйшее время къ Черноморскому побережью потянулись «толстовцы», какъ тамъ называютъ всѣхъ послѣдователей ученія гр. Толстого. Была даже попытка образовать колонію толстовцевъ въ Учъ-Дере; во главѣ стоялъ апостолъ Толстого нѣкто Азмидовъ, но этотъ апостолъ оказался не на высотѣ призванія, колонія скоро распалась и дурная слава осталась за апостоломъ.

Побережье и понынѣ остается излюбленнымъ мѣстомъ толстовцевъ, куда ихъ тянетъ «сѣсть на землю», «опроститься», но пользы для края, въ смыслѣ культурнаго обновленія страны они мало приносятъ. Присматриваясь къ нимъ, вы видите, что, невзирая на преслѣдуемую цѣль «опроститься», въ нихъ всегда замѣчается какая-то ходульность и неестественность. Кромѣ того, всѣ они слишкомъ однообразны, если можно выразиться, «стадны» и то, чтó дорого въ человѣкѣ, именно «индивидуальность» въ нихъ отсутствуетъ. Познакомившись съ однимъ типичнымъ представителемъ этой разновидности, вы уже знаете всѣхъ толстовцевъ, и дальнѣйшій интересъ пропадаетъ.

Русскія селенія, основанныя въ позднѣйшее время, слагались также изъ выходцевъ изъ разныхъ губерній обширнаго отечества, и люди эти не успѣли еще сплотиться въ хозяйственныя прочныя единицы.

Нахлынувшіе на побережье покупатели культурныхъ и дачныхъ участковъ представляли также самые разнообразные элементы изъ представителей всѣхъ слоевъ общества. Весьма немногіе пріобрѣтали участки съ цѣлью водвориться въ краѣ; большинство строило дачи съ тѣмъ, чтобы временно пріѣзжать отдохнуть въ хорошемъ климатѣ и покупаться въ морѣ.

Контингентъ рабочихъ образовался также изъ лицъ, утратившихъ свою связь съ землей и родиной, по большей части изъ рабочихъ на пристаняхъ въ крупныхъ торговыхъ пунктахъ, которые зимой тянулись на побережье, гдѣ климатъ мягче и можно перебиться зимніе мѣсяцы, не запасаясь теплой одеждой. Все это—народъ бездомный, видавшій виды и много толкавшійся по бѣлу свѣту.

Наконецъ, контингентъ рабочихъ-туземцевъ, состоящій изъ имеретинъ и грузинъ, всегда стоялъ и стоитъ обособленно; завѣтной ихъ идеей является мечта, что «Кавказъ существуетъ для кавказцевъ», а потому всѣ они въ душѣ недружелюбно настроены по отношенію къ другимъ народностямъ.

Словомъ, вдумываясь въ эту картину полнаго хаоса населенія, заполнившаго наше Черноморское побережье Кавказа, нужно признать, что оно представляло собой наиболѣе благопріятныя условія ко всякому непорядку. Вслѣдствіе этого, когда неудачи японской войны обнаружили всѣ язвы нашего высшаго режима, когда были дискредитированы правящія учрежденія и подорванъ авторитетъ власти, и вся Россія громко высказывала протестъ, мѣстами принимавшій угрожающій характеръ, недовольство это легко было раздуть на побережьѣ, и тамъ, какъ и слѣдовало предвидѣть, оно должно было особо остро обрисоваться. Къ этому надо еще добавить, что къ наступившему моменту весь спокойный, т.-е. состоятельный элементъ населенія поспѣшилъ уѣхать съ побережья; мѣстная власть бездѣйствовала и, выбитая изъ колен, не знала, въ какую сторону примкнуть, а высшая, губернская власть въ краѣ, совершенно отсутствовала.

Наступило 17 октября 1905 года...

Вся Россія всколыхнулась.

Все, что̀ было пришиблено нуждою и придавлено гнетомъ административнаго произвола, потянулось къ свѣту.

Свободное слово громко призывало къ обновленію обветшавшаго строя.

Слишкомъ серьезный моментъ переживала страна. Такія событія спокойно не проходятъ. Какъ въ бурномъ морѣ вздымаются грозные валы и съ грохотомъ и шумомъ разбиваются о прибрежныя скалы, такъ точно пронесшійся надъ страной циклонъ съ особой силой разразился на окраинахъ.

Бурно заволновалось Черноморское побережье Кавказа. Въ Сочи все населеніе собиралось на многолюдные митинги; съ трибуны выкрикивались зажигательныя рѣчи; по улицамъ устраивались шествія съ краснымъ знаменемъ. Рельефно обрисовалась партія соціалъ-демократическая, во главѣ которой стояли мингрельцы Гватуа, Хоцешвили, Михоко и рабочіе Сальниковъ и Поярковъ.

Послѣ третьяго многолюднаго митинга, въ противовѣсъ разроставшемуся революціонному движенію, была попытка образовать «союзъ мирныхъ тружениковъ»—«черная сотня» тожъ, но союзъ этотъ потерпѣлъ пораженіе, встрѣтивъ несочувствіе населенія, главнымъ образомъ, въ лицѣ стоявшихъ во главѣ союза, какъ ихъ тогда прозвали, «темныхъ дѣятелей».

Послѣ этого революціонное движеніе усилилось. На счетъ города была учреждена городская милиція. Администрація и полиція бездѣйствовали. Правда, со стороны начальника округа существовало намѣреніе создать партію правового порядка, для чего были вызваны поселяне, но собравшійся многолюдный митингъ принялъ резолюцію, предложенную соціалъ-демократами. Въ Сочи былъ организованъ «народный судъ» изъ 12 судей по выбору на митингахъ. Между прочимъ, былъ привлеченъ къ суду городовой, обвинявшійся въ принадлежности къ черной сотнѣ, и народный судъ приговорилъ его къ высылкѣ въ Батумъ. Въ то время, когда происходилъ судъ надъ городовымъ, начальникъ округа Розальонъ-Сошальскій вызвалъ было военныя силы, но солдаты почему-то бездѣйствовали, и городовой былъ высланъ въ Батумъ и дорогой убитъ.

Вслѣдъ затѣмъ среди революціонеровъ пошли несогласія и произошелъ расколъ на двѣ партіи: соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ, и въ общемъ, образовался сумбуръ, причемъ лица, стоявшія во главѣ партій, разругались. Но тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что образовавшіяся двѣ партіи рѣзко распредѣлялись по національностямъ, а именно имеретины отошли къ соціалъ-демократамъ, а русскіе примкнули къ соціалъ-

революціонерамъ во главѣ съ Поярковымъ, Сальниковымъ и вновь появившимся инженеромъ Гречкинымъ.

Въ это время въ Городскомъ Управленіи начались многолюдныя засѣданія при участіи представителей революціонныхъ партій и массы народа. На этихъ засѣданіяхъ было рѣшено: отмѣнить прежніе выборы и произвести новые на основаніи трехчленной (прямой, общей и равной) подачи голосовъ и постановлено: избрать комиссію для производства переписи всего населенія и передачи всѣхъ городскихъ имуществъ въ пользованіе и вѣдѣніе народа.

Такому рѣшенію воспротивился начальникъ Округа и пригрозилъ вооруженной силой. Тогда на многолюдномъ митингѣ была принята резолюція: «въ виду общаго хода событій въ Россіи начать вооруженную борьбу». Во исполненіе этой резолюціи со всего округа было созвано населеніе, вооруженное швейцарскими ружьями (12-зарядными), которое собралось въ нижней части города; была выработана организація и продовольственный комитетъ.

Убѣдившись, что движеніе принимаетъ серьезный характеръ, начальникъ округа распорядился послать корнета Попова со стражниками отобрать оружіе. Стражники карьеромъ, шашки на голо, пронеслись по улицамъ отъ квартиры начальника округа (въ домѣ Ермолова) на базаръ, гдѣ были встрѣчены огнемъ изъ всѣхъ домовъ—трое стражниковъ было ранено, одинъ убитъ, остальные ускакали обратно. Тогда начальникъ Округа ночью, забравъ денежныя суммы изъ Казначейства, съ 80 вооруженными стражниками и 23 солдатами пѣхотнаго гарнизона укрылся въ казармѣ.

Съ своей стороны революціонеры начали правильную осаду казармы и три дня ее обстрѣливали и между прочимъ выкопали изъ земли старинную чугунную пушку, уцѣлѣвшую послѣ Кавказской войны отъ бывшаго въ Сочи укрѣпленія «Даховскаго», пристроили ее на лафетѣ и гирями отъ вѣсовъ изъ магазиновъ и старинными ядрами, которыя находили въ землѣ, бомбардировали казарму. Порохъ для пушки изготовляли мѣстными средствами.

На третій день начальникъ округа и укрывшіеся съ нимъ солдаты сдались на капитуляцію при условіи выдать оружіе и деньги, увезенныя изъ казначейства, и, выполнивъ это обяза-

тельство, были выпущены. Во время бомбардировки и обстрѣла казармы никто изъ солдатъ не пострадалъ.

Въ то самое время, когда происходила сдача гарнизона на капитуляцію, съ моря на горизонтѣ показались военные миноносцы, и высадившійся вслѣдъ за тѣмъ на берегъ морской офицеръ, вступивъ въ переговоры съ революціонерами, увѣрилъ ихъ, что будто бы вся Россія находится уже въ рукахъ революціонеровъ, и что ему нужно только забрать съ собой начальника округа и офицеровъ. Лицъ этихъ ему выдали, но затѣмъ, когда они на лодкахъ стали возвращаться къ миноносцамъ, то морской офицеръ объявилъ собравшимся у пристани революціонерамъ, что если немедленно не будутъ возвращены деньги, взятыя изъ казначейства, то онъ начнетъ съ военныхъ судовъ бомбардировку по городу. Требованіе было исполнено и казначейскія суммы возвращены и вслѣдъ затѣмъ начался десантъ 2-й сотни казаковъ Кубанскаго войска.

Съ появленіемъ казаковъ раньше всѣхъ скрылись главари революціи и всѣ вооруженные милиціонеры и вообще началось поголовное бѣгство. Среди оставшагося населенія начались аресты всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ администрація считала виновными и подозрительными. Всего было арестовано до 600 человѣкъ.

Революціонное движеніе въ Сочи, начавшееся 17 октября 1905 года, закончилось 6 января 1906 года,—день высадки десанта казаковъ.

Начатое по этому поводу слѣдствіе о Сочинской революціи закончилось разборомъ дѣла черезъ два года въ гор. Новороссійскѣ, въ засѣданіи военнаго суда.

Изъ главарей революціи имеретины: Гватуа, Хоцешвили и Михако скрылись. Во время революціи въ Сочи изъ частныхъ лицъ былъ убитъ завѣдующій Сочинской опытной станціей Ляховецкій за отказъ выдать революціонерамъ оружіе. Другихъ убійствъ не было.

Въ основѣ всего революціоннаго движенія были выставлены обще-революціонные принципы, но среди туземцевъ-имеретинъ рѣзко обозначались національныя цѣли, и руководящимъ девизомъ для нихъ было то, что Кавказъ долженъ оставаться для кавказцевъ.

Русскіе простые рабочіе были рѣзкими сторонниками соціализма. Между поселянами округа проглядывало стремленіе осно-

вать крестьянскіе союзы и національзаціи земли. А главное, во всѣхъ слояхъ, безъ различія окраски, ясно выступала полная ненависть къ бюрократіи и всему, что напоминало чиновника.

Въ теченіе всего революціоннаго періода въ Сочи на мѣстѣ находился начальникъ округа и только въ теченіе трехъ дней существовала диктатура пролетаріата и абсолютно дѣйствовало временное правительство.

Въ Новороссійскѣ въ это время своимъ чередомъ шла революція и была объявлена демократическая республика. Губернаторъ отсутствовалъ; остальныя власти бездѣйствовали и, слѣдовательно, такъ же какъ бы отсутствовали.

И такъ закончилась революція на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа.

По нормальному ходу историческихъ событій жизни началась реакція.

Лица, стоявшія во главѣ движенія, успѣли скрыться. Не зная этихъ лицъ, трудно сказать насколько они были искренны въ своихъ дѣйствіяхъ. Нерѣдко наблюдается, что лица случайныя, мало убѣжденныя, пользуясь настроеніемъ толпы, становятся героями минуты. Положеніе ихъ манитъ. На мѣстѣ остались лишь тѣ, которые, подчинившись общему гипнозу, охватившему въ то время страну, принимали участіе въ движеніи. Они являются отвѣтственными. Къ нимъ была примѣнена ликвидація.

Вдумываясь въ ходъ жизни, становится непонятнымъ: какимъ образомъ лица, стоящія наиболѣе близко къ населенію,—лица, за много лѣтъ сжившіяся, именно правящій персоналъ, въ минуты пробужденія сознанія у обывателя утрачиваетъ совершенно свой авторитетъ, бездѣйствуетъ, сторонится и молчитъ именно тогда, когда особенно цѣнно разумное слово лица, пользующагося довѣріемъ страны, и рядомъ съ этимъ кто-нибудь, совсѣмъ невѣдомый, случайный, пришлый, сразу захватываетъ толпу и ведетъ ее по пути, отъ котораго такъ ревностно и неуклонно всѣхъ насъ всю жизнь оберегали. Несомнѣнно, причина кроется въ томъ, что правители не сумѣли снискать довѣрія управляемыхъ, и что примѣняемый ими методъ управленія не гармонируетъ и не соотвѣтствуетъ требованіямъ нормальной жизни.

Рядомъ съ этимъ нельзя еще не отмѣтить явленія, что та же администрація и правители, оставаясь совершенно инертными въ минуту переживаемой передряги, послѣ наступившаго умиротво-

ренія, съ какою-то небывалой энергіей набрасываются на смирившагося обывателя: словно они хотятъ отомстить за свою несостоятельность и неумѣніе во́-время, разумно и авторитетно предотвратить разразившееся событіе.

Такъ было и на побережьѣ. Началась ликвидація революціи. До 600 человѣкъ было арестовано. Случай былъ подходящій сводить старые счеты. Разсказывали, что всякій кто когда-нибудь не сумѣлъ угодить или умѣлъ досадить дѣлался подозрительнымъ, неблагонадежнымъ. Развились и поощрялись доносы, и этимъ способомъ нерѣдко ликвидировались частные счеты. Правда, въ позднѣйшее время большинство арестованныхъ было отпущено по недоказанности ихъ участія въ безпорядкахъ, но тѣмъ не менѣе до выясненія ихъ вины или невиновности, оно отсидѣлось, и цѣль была все-таки достигнута.

Въ наступившіе дни умиротворенія общее настроеніе было придавленное. На разспросы неохотно разсказывали о пережитомъ и больше отмалчивались. Чувствовалась какая-то боязнь, приниженность и рѣдко кто скажетъ правдивое свободное слово, и то съ оглядкой.

На окраинѣ замерла жизнь. Введено было военное положеніе. Административный произволъ, который безъ того особо интенсивно проявляется въ уголкахъ, болѣе отдаленныхъ отъ центра, достигъ своего апогея.

Наступившая анархія административнаго произвола атрофировала всякую мысль, всякую инициативу, проявлявшуюся хотя бы на почвѣ экономической. Къ этому надо добавить, что самое понятіе—благонадежности и неблагонадежности—весьма неясно и смутно сознается лицами, которымъ то вѣдать надлежитъ. Страшнымъ словомъ играютъ. Въ глазахъ ихъ всякая инициатива, самостоятельность личности есть вольнодумство и, слѣдовательно, почти преддверіе революціи. Мѣриломъ благонадежности обывателя является аттестація полицейскаго урядника и съ мнѣніемъ его приходится считаться. Въ итогѣ своимъ прямымъ дѣломъ полиція мало занимается. Грабежи и другія преступленія остаются нераскрытыми. Личность и безопасность обывателя не гарантирована.

Въ настоящее время, когда военное положеніе уже отмѣнено, если бы кто-нибудь серьезно поинтересовался узнать, для какой надобности оно учреждалось, то, навѣрное, на этотъ вопросъ никто не отвѣтитъ. Высокаго начальника никто никогда въ краѣ не

видалъ. Правда, разсказываютъ, что вначалѣ, вскорѣ послѣ состоявшагося назначенія, предпринимался военный походъ въ одно изъ поселеній побережья, но дѣло обошлось миролюбиво, и войска воротились безъ кровопролитія. По характеру своему походъ этотъ напоминаетъ скорѣе всего легендарный переходъ славнаго Щедринскаго генерала чрезъ Валдайскія возвышенности, предпринятый для усмиренія несуществовавшаго крестьянскаго бунта въ 1861 году. Можно бы написать краткую реляцію: пришелъ, ничего не увидѣлъ, побѣждать было некого.

Злые языки разсказываютъ, что мотивомъ введенія военнаго положенія послужило то, что надо было генерала пристроить. Но, не вдаваясь въ анализъ столь щекотливаго вопроса, можно лишь констатировать фактъ, что дѣятельность этого положенія ни въ чемъ себя не проявила.

Итакъ, дѣятельность военнаго положенія ни въ чемъ не сказалась, но тѣмъ не менѣе административный кошмаръ существовалъ и по инерціи ощущается и понынѣ, когда обыватель уже переведенъ въ низшій разрядъ полицейскаго режима и ему дозволено вольнѣе дышать подъ покровомъ положенія особой охраны.

Для нагляднаго представленія о неприкосновенности личности и жилища можно привести случай, когда въ усадьбу обывателя налетитъ начальникъ мѣстной конной стражи съ оравой стражниковъ и въ отсутствіи хозяина все перероетъ, видимо произведя обыскъ. На вопросъ: по какому поводу и по чьему распоряженію производился обыскъ и что собственно хотѣли найти, отвѣта вы не получите, и вамъ никогда не удастся выяснить было ли то случайное проявленіе излишняго служебнаго рвенія или, быть можетъ, на основаніи аттестаціи мѣстнаго цензора обывательской благонадежности вы попали въ разрядъ подозрительныхъ и, слѣдовательно, вступили за предѣлы закона, охраняющаго вашу личность.

Или вотъ тоже характерно положеніе обывателя при примѣненіи къ нему «обязательнаго постановленія о веденіи домовой книги». Представьте себѣ, пріѣхалъ пріятель погостить въ усадьбу, расположенную въ горахъ, въ значительномъ разстояніи отъ учрежденія, куда надлежитъ, при существующемъ бездорожьи, доставить отрѣзокъ изъ домовой книги и при томъ никакъ не позже, чѣмъ въ теченіе суточнаго срока, когда случается и по-

слать-то некого. Или напримѣръ другое: несетъ поселянинъ злосчастный отрѣзокъ «куда слѣдуетъ», но «безъ чего слѣдуетъ», и получитъ приказаніе: «приходи завтра». На завтра онъ уже попался въ ловушку, суточный срокъ пропущенъ и этотъ «куда слѣдуетъ» на законномъ основаніи составляетъ протоколъ, а дальнѣйшій порядокъ извѣстенъ—либо штрафъ, либо высидка, что̀ любезно уже предоставляется на выборъ и вкусъ обывателя.

Свѣжій человѣкъ, конечно, по неопытности спроситъ: почему же объ этомъ не заявляютъ, не жалуются?

Пробовали, милый человѣкъ, да ничего не выходитъ. Тамъ, выше, считаютъ, что на такой пустякъ не стоитъ обращать вниманія, такъ какъ самое назначеніе обывателя заключается въ томъ, чтобы служить объектомъ воздѣйствія начальства, да кромѣ того прослывешь неспокойнымъ человѣкомъ, а неспокойныхъ не любятъ и даже подвергаютъ нѣкоторому остракизму. Такъ напримѣръ, при обсужденіи раскладки земскихъ повинностей или какого-либо болѣе важнаго вопроса, въ родѣ вопроса «о введеніи земства», когда на засѣданія въ видѣ мебели приглашаются выборные отъ обывателей, вашу фамилію изъ списка непремѣнно вычеркнутъ.

Конечно, за такое изъятіе изъ обращенія не стоитъ особенно печалиться, но досадно лишиться случая быть живымъ свидѣтелемъ многихъ забавныхъ курьезовъ.

Идетъ, напримѣръ, засѣданіе о раскладкѣ земскихъ сборовъ, и вы по неосторожности спросите, почему вы за свои 100 десятинъ платите по 1 руб. отъ десятины, тогда какъ нѣкій господинъ N.N., владѣлецъ столькихъ-то тысячъ десятинъ, въ полосѣ прибрежной и, слѣдовательно, болѣе цѣнной, платитъ обложеніе въ десять разъ меньше противъ васъ съ десятины? Въ отвѣтъ вы услышите: «помилуйте, да вѣдь вамъ только 100 руб. приходится платить, а каково же будетъ господину N.N., когда съ него, по раскладкѣ, станутъ взыскивать по нѣскольку тысячъ рублей въ годъ». И уходите вы изъ засѣданія совсѣмъ просвѣтленнымъ, хорошо понявъ, что 100 рублей легче заплатить, нежели 1000 рублей, и ясно сознавая, что деньги платить—не водку пить, гдѣ, наоборотъ, всегда пріятнѣе выпить двѣ рюмки, противъ одной.

Засѣданія по болѣе важнымъ вопросамъ въ высшихъ раіонахъ побережья обставлены болѣе шикарно, и тамъ, по настоящему, результаты совѣщанія, въ назиданіе потомству, издаются особой

брошюрой. Печатается она, конечно, за счетъ канцелярскихъ суммъ учрежденія, иначе бы игра свѣчей не стоила.

Въ брошюрѣ, напримѣръ, по вопросу о введеніи на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа земства, совѣщаніе благосклонно выражаетъ свое одобреніе этому просвѣщенному начинанію и признаетъ возможнымъ теперь же учредить въ центральномъ пунктѣ побережья въ видѣ опыта одну Земскую Управу, состоящую изъ трехъ лицъ. Одну на всю губернію.

Всякій пойметъ, что такая организація не имѣетъ ничего общаго съ идеей земства и, видимо, совѣщаніе задалось лишь мыслью создать трехъ новыхъ чиновниковъ подъ флагомъ земства, а извѣстно, что въ любомъ бюрократическомъ учрежденіи, когда коснется дѣло до расширенія штатовъ, то вопросъ объ увеличеніи числа чиновническихъ кокардъ никогда не встрѣчаетъ возраженій и проходитъ гладко.

Вторая часть брошюры менѣе интересна, но зато болѣе забавна; тамъ идетъ постатейный перечень законоположеній по земству съ указаніемъ необходимыхъ редакціонныхъ исправленій. Надо надѣяться, что то высшее законодательное учрежденіе, которому въ странѣ работа эта принадлежитъ, не обидится за то, что Черноморское совѣщаніе предвосхитило у него его дѣятельность.

Нѣтъ словъ, что каждый заурядный обыватель бываетъ крайне польщенъ, когда его привлекаютъ къ обсужденію какихъ-либо серьезныхъ вопросовъ по управленію края; во всякомъ случаѣ, онъ чувствуетъ, что тоже «въ начальство» играетъ, какъ напримѣръ, въ юности каждый изъ насъ игралъ «въ солдатики», но, вдумываясь въ результаты этихъ совѣщаній, начинаешь понимать, что при существующемъ положеніи за изъятіе изъ обращенія и исключеніе изъ списка избранниковъ можно только благодарить.

На всѣ эти привлеченія обывателя къ общественной дѣятельности надо смотрѣть такъ, что каждый начальникъ, даже самый черносотенно-полицейскій ради популярности, любитъ заигрывать и не чуждъ для видимости показать, что онъ тоже не отсталъ отъ вѣка, но это не мѣшаетъ ему при удобномъ случаѣ васъ прихлопнуть, если, по неопытности, вы дадите замѣтить, что не всегда солидарно съ нимъ мыслите.

На окраинахъ особенно начальникъ мнитъ себя persona grata.

поставленнымъ для воздѣйствія на зауряднаго обывателя и угожденія лишь болѣе сильнымъ; на помощь въ бѣдѣ, защиту отъ обиды и содѣйствіе не разсчитывайте и старайтесь обходиться своими средствами.

При такихъ условіяхъ нельзя ожидать отъ населенія довѣрія и уваженія, а вѣдь только довѣріе къ правителямъ создаетъ гармонію въ управленіи края и служитъ гарантіей порядка и спокойствія.

Въ другихъ мѣстахъ имперіи для защиты интересовъ существуютъ сословныя учрежденія, но на окраинахъ этого нѣтъ. Мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій также не имѣется. Вопросы и споры землепользованія въ старыхъ поселкахъ, владѣющихъ землей на общинномъ началѣ, находятся въ хаотическомъ состояніи. Ранѣе споры между поселянами подлежали вѣдѣнію мирового судьи, но съ введеніемъ сельскаго положенія и волостного суда дѣло много ухудшилось. Жалобы на рѣшенія волостного суда подаются мѣстному административному начальнику, отношенія котораго къ населенію, кажется, уже достаточно обрисованы, и по этимъ отношеніямъ уже можно судить о результатахъ.

Во время революціи и безпорядковъ всѣ болѣе состоятельныя лица выѣхали съ побережья, край опустѣлъ и прошло два—три года, пока снова возродилась въ немъ жизнь.

Подъ вліяніемъ пережитыхъ событій и административнаго гнета возрожденіе совершалось медленно. Администрація, занятая сведеніемъ счетовъ по ликвидаціи революціи, мало удѣляла времени на свое прямое дѣло. Жизнь внѣ города была небезопасна; случаи экспропріаціи и убійства среди бѣлаго дня, даже въ городѣ, были нерѣдки. Въ настоящее время все это уже отошло въ область прошлаго, но, не мѣшаетъ отмѣтить, отошло не благодаря энергіи администраціи, а просто потому, что иниціаторы нападеній перестали грабить и убивать и стали жить по-хорошему.

На успѣшный ходъ возрожденія, между прочимъ, повліяло еще одно событіе, которое имѣло также большое значеніе на экономическій или, скорѣе, хозяйственный складъ жизни населенія и, главное было важно для лицъ, купившихъ культурные участки.

При отчужденіи въ частную собственность культурныхъ участковъ къ пріобрѣтателямъ, какъ было сказано выше, было предъявлено обязательство окультивировать подъ садъ или ви-

ноградникъ опредѣленную площадь отведенной земли, и лишь по выполненіи этого обязательства выдавалась данная на участокъ.

Мотивомъ для примѣненія такого обязательства служило стремленіе создать на побережьѣ прочную культуру, при чемъ, послѣ всесторонняго изслѣдованія условій почвенныхъ, климатическихъ и хозяйственныхъ, было установлено, что сѣверная часть побережья наиболѣе пригодна для винодѣлія, а южная— для фруктоваго хозяйства.

У прежнихъ обитателей горцевъ, между прочимъ, существовали также сады и практикой были выработаны особые пріемы веденія этого дѣла, для чего ежегодно съ анатолійскаго берега пріѣзжали особые спеціалисты, которые привозили прищепы плодовыхъ деревьевъ и, переходя отъ одного хозяина къ другому, прищепляли дички и приводили въ порядокъ насажденія фруктовыхъ деревьевъ.

Въ силу поставленнаго обязательства на всѣхъ культурныхъ участкахъ въ южной части губерніи были заведены фруктовые сады; нѣкоторые сады были уже довольно обширны и стали уже входить въ періодъ плодоношенія, но въ это время, именно въ 1906 году, на побережье пріѣхала особая коммиссія спеціалистовъ-садоводовъ, командированныхъ отъ департамента земледѣлія, которая, объѣхавъ a vol d'oiseau побережье, составила столь же легкомысленный докладъ въ которомъ высказала положеніе, что южная часть побережья непригодна для плодоводства, такъ какъ вслѣдствіе влажности климата получаемые плоды водянисты, нехороши по вкусу и негодны для лежки, и рекомендовала, упразднивъ сельскохозяйственныя опытныя станціи, заняться чуть ли не посѣвами картофеля, словомъ, продукта, который, дѣйствительно, на побережьѣ менѣе всего удается.

Это научное заключеніе хотя и не было обнародовано и гдѣ-то затерялось въ пыли департаментскаго мусора, но тѣмъ не менѣе стало извѣстно лицамъ, для которыхъ оно имѣло жизненный интересъ и, такъ какъ всѣ мы склонны вѣрить даже небылицѣ, если она только облечена въ тогу научнаго авторитета, то результаты сказались такіе, что многіе хозяева, горячо принявшіеся за дѣло, потеряли вѣру, охладѣли, забросили свои сады безъ призора, и дѣло, которое только что начало было налаживаться, пришло въ упадокъ.

Злѣе даже придумать нельзя насмѣшки надъ серьезнымъ живымъ дѣломъ, отъ котораго зависѣла участь побережья, но которое еще не успѣло окрѣпнуть.

Вступать въ полемику съ подобными научными авторитетами— довольно трудная задача, тѣмъ болѣе, что и самое «научное» заключеніе тщательно пряталось отъ любопытныхъ взоровъ профановъ, и вотъ, чтобы доказать абсурдъ заключенія, пришлось три года затратить, посадить близъ Сачи 500 деревьевъ косыхъ кордоновъ и наглядно доказать, что формовая (наиболѣе интенсивная культура) можетъ быть на побережьѣ успѣшно примѣнена даже какъ промышленное предпріятіе, и что получаемые плоды по качеству своему не оставляютъ желать ничего лучшаго. На трехъ выставкахъ сочинскіе плоды съ этого сада были премированы высшими наградами, при чемъ на выставкѣ Императорскаго Россійскаго Общества плодоводства въ С.-Петербургѣ эксперты признали, что по красотѣ, по вкусовымъ и другимъ качествамъ плоды не уступаютъ лучшимъ заграничнымъ и крымскимъ сортамъ, а по величинѣ даже превосходятъ.

Въ настоящее время, когда все отошло уже въ прошлое, весь этотъ девиртисментъ съ кавказскими фруктами представляется только забавнымъ инцидентомъ современныхъ научныхъ изслѣдованій, но тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить курьезнаго отношенія авторитетовъ науки новѣйшей формаціи къ своимъ старѣйшимъ товарищамъ, высказавшимъ совершенно противоположное заключеніе, и притомъ такое заключеніе, которое легло въ основу законоположенія «о культурнымъ участкахъ». Вѣроятно, также недурно было самочувствіе и учрежденія, предъявившаго въ свое время къ предпринимателямъ требованіе завести сады и тѣмъ завѣдомо вовлекшаго ихъ въ убыточное и разорительное предпріятіе.

Въ новыхъ поселкахъ крестьянское хозяйство налаживается также довольно туго. Въ нихъ хотя и замѣчается иногда тенденція перейти къ садоводству, но за отсутствіемъ хорошихъ руководителей, и главное, благодаря крайнему неудовлетворительному посадочному матеріалу, получаемому изъ питомниковъ, опытныхъ сельскохозяйственныхъ станцій, эта важная отрасль хозяйства сильно хромаетъ. А между тѣмъ было бы возможно съ выгодой использовать это стремленіе поселянъ заняться садовой культурой. Надо видѣть, съ какимъ увлеченіемъ поселяне лю-

бятъ показывать свои вновь заведенные садики. Если, напримѣръ, въ какомъ-нибудь раіонѣ примѣнить посадку одного чернослива и, расширивъ площадь такихъ садовъ, организовать на артельныхъ началахъ огневую сушку продукта, то съ увѣренностью можно сказать, что такая постановка дѣла послужитъ прочнымъ основаніемъ далнѣйшаго благосостоянія и процвѣтанія всѣхъ поселковъ даннаго раіона.

Словомъ, при переходѣ къ интенсивному хозяйству необходимо преподать точныя указанія организаціи предпріятія. Большое значеніе имѣетъ умѣлый выборъ посадочнаго матеріала. Необходимо въ каждомъ раіонѣ дѣлать извѣстный подборъ сортовъ, такъ какъ только при этомъ условіи можно достигнуть однородныхъ правильныхъ насажденій, соотвѣтствующихъ типу промышленныхъ садовъ. Сады, которые нынѣ безъ надлежащихъ указаній заводятъ поселяне, носятъ характеръ любительскихъ и дохода они никогда не дадутъ, такъ какъ затруднительно для нихъ найти съемщика.

Если хорошенько разобраться, то все это такъ несложно и такъ легко достижимо. Нужно только полюбить и отдаться дѣлу, но вотъ въ этомъ и заключается загвоздка. Если дѣло когда-нибудь перейдетъ въ руки земства, то успѣхъ обезпеченъ. Требовать же отъ случайно назначенныхъ въ извѣстную мѣстность чиновниковъ такихъ качествъ, которыя по самой природѣ имъ неприсущи, безполезно. По установившемуся режиму бюрократическаго строя каждый чиновникъ прежде всего склоненъ за минимумъ труда получать максимумъ вознагражденія. Это не вольно наемная работа, гдѣ плата регулируется количествомъ сдѣланнаго. Тамъ отсиживаніе положенныхъ часовъ, здѣсь—исполненное дѣло, какъ право на вознагражденіе.

До нѣкоторой степени дѣлу постановки крестьянскаго хозяйства могли бы помочь существующія на побережьѣ сельскохозяйственныя общества, но, присматриваясь къ дѣятельности этихъ обществъ, къ сожалѣнію, приходится убѣдиться, что по большей части лица, стоящія во главѣ такихъ организацій, болѣе заняты устройствомъ своихъ личныхъ, далеко не хозяйственныхъ дѣлишекъ, и главныя задачи отходятъ на задній планъ. На выставкахъ, устраиваемыхъ обществомъ, присуждаются награды не за качество экспонатовъ, а даются лицамъ, предъ которыми признается полезнымъ прислужиться. Словомъ, процвѣтаетъ лакей-

ство и, слѣдовательно, нечего разсчитывать, что такое общество станетъ серьезно относиться къ нуждамъ крестьянскаго хозяйства.

Въ новыхъ поселкахъ крестьянское хозяйство предоставлено на волю случая: при удачѣ — поселянинъ остается жить на отведенномъ участкѣ, въ случаѣ неудачи—бросаетъ дѣла и нанимается въ работники или совсѣмъ уходитъ. За что, собствено, выгодно приняться въ новомъ хозяйствѣ — переселенецъ не знаетъ; пріемы новой культуры ему неизвѣстны. По примѣру своихъ сосѣдей начинаетъ онъ обыкновенно съ того, что распродаетъ лѣсъ съ отведеннаго участка и сдѣлаетъ небольшой посѣвъ кукурузы, а затѣмъ, когда лѣсъ распроданъ, деньги проѣдены, а кукуруза, засѣвавшаяся изъ года въ годъ на той же полянѣ, перестаетъ родить, то поневолѣ онъ задумывается и часто бросаетъ хозяйство. А между тѣмъ, прочно и даже богато устроиться въ краѣ вполнѣ достижимо, и можно для примѣра указать на хозяйства нѣмцевъ, живущихъ въ дер. Новогинской (близъ Сочи), гдѣ имѣются поселенскія хозяйства, которыя приносятъ по 5 тысячъ рублей въ годъ дохода и есть хозяева, которые завели уже до 15 десятинъ фруктоваго сада, а это вѣдь цѣлое богатство.

Одно надлежитъ отмѣтить, что при новой постановкѣ переселенческаго дѣла принято за правило ко всѣмъ вновь устраиваемымъ поселкамъ разрабатывать проѣзжія дороги. Это громадный шагъ впередъ и капитальное дѣло, гарантирующее будущность поселковъ. Остается теперь лишь надѣяться, что и въ дальнѣйшемъ, впредь во введенія земства, забота объ исправномъ содержаніи дорогъ 'и ихъ ремонтъ останется на попеченіи переселенческихъ управленій, гдѣ дѣло это хорошо налажено. Въ случаѣ передачи дорогъ на попеченіе селеній или, не дай Богъ, на попеченіе администраціи, дѣло погибнетъ и дороги исчезнутъ.

Коснувшись новыхъ переселенческихъ организацій, завѣдующихъ отводомъ участковъ подъ поселенія и разработкой дорогъ, было бы очень желательно и полезно, по возможности, расширить ихъ дѣятельность и распространить ихъ вліяніе также и на старые поселки, владѣющіе нынѣ землей на общиныхъ началахъ.

Въ недалекомъ будущемъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, во всѣхъ этихъ старыхъ поселкахъ предстоитъ передѣлъ земли на подворные участки, такъ какъ при существующемъ интенсивномъ

характерѣ хозяйства на побережьѣ, эта форма землепользованія только и примѣнима.

Не мѣшаетъ воспользоваться тѣмъ, что въ настоящее время подборъ персонала переселенческихъ организацій на побережьѣ удачный, что это люди живые, не потерявшіе образъ человѣческій, которыхъ еще не засосала тина канцелярско-бюрократическаго режима.

Этимъ способомъ окажется возможнымъ оградить нѣсколько населеніе отъ произвола администраціи и предотвратить ту неурядицу, которая, благодаря существующему порядку, тамъ создается.

Если въ будущемъ волость будетъ организована, какъ всесословная административная единица; если будетъ упраздненъ волостной судъ и дѣлами поселянъ будутъ вѣдать мировые судьи, то жизнь и порядокъ въ селеніяхъ начнутъ налаживаться.

Единственнымъ raison d'être волостного суда является то, что законодатель для разбора мелкихъ дѣлъ между крестьянами задался мыслью создать такой упрощенный судъ, который при рѣшеніи вопросовъ по спорамъ земельнымъ, семейнымъ, наслѣдственнымъ и т. д., руководствовался бы не только буквой закона, но также и обычнымъ правомъ, выработаннымъ самой жизнью. Но если это имѣетъ какое-нибудь значеніе въ крестьянскомъ быту въ имперіи, гдѣ жизнь общинъ уже сложилась и вошла въ извѣстныя нормы, то на Кавказѣ и вообще на окраинахъ положеніе это утрачиваетъ совершенно свой смыслъ.

Здѣсь новые поселки слагаются изъ выходцевъ изъ разныхъ мѣстъ и губерній обширнаго отечества, слиться въ нѣчто цѣльное, хотя бы даже въ хозяйственныя единицы, они не успѣли; каждый домохозяинъ живетъ обособленно и представляетъ собой самостоятельную единицу, случайно вошедшую въ то или другое общество, къ которому онъ приписанъ по мѣсту нахожденія отведеннаго участка.

Говоря объ экономическомъ, соціальномъ и хозяйственномъ положеніи населенія на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа и коснувшись общаго неустройства жизни и хозяйства въ существующихъ крестьянскихъ поселкахъ, много разъ приходилось высказывать радужныя мечты, что съ введеніемъ земства въ Черноморской губерніи дѣло должно наладиться. Видимо и само правительство благосклонно относится къ этой реформѣ и, воз-

4*

будивъ по собственной иниціативѣ вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Черноморской губерніи, доказало, что имъ обращено вниманіе на вопросы мѣстнаго управленія этой окраины и признано возможнымъ введеніе органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что осуществленіе этой реформы пробудитъ сознательную дѣятельность населенія и выработаетъ твердыя основы для правильной постановки мѣстнаго хозяйства.

До настоящаго времени все это были какіе-то опыты, пробы, и никто точно не скажетъ, за что приниматься. Даже въ случаѣ удачи хозяинъ не обезпеченъ съ сбытѣ своихъ продуктовъ, въ ихъ транспортировкѣ, а дѣйствовать здѣсь въ одиночку является совершенно невозможнымъ.

Въ дѣлѣ самомъ важномъ — колонизаціи края — усматривается все та же неопредѣленность; стоитъ только прослѣдить исторію заселенія Черноморскаго побережья Кавказа, чтобъ убѣдиться въ правильности высказаннаго положенія. Вслѣдствіе сего, роль будущаго земства на побережьѣ представляется чрезвычайно важной и очень существенно, чтобы организація этого учрежденія была выработана по возможности правильно и цѣлесообразно. Словомъ, надо создать земство, которое было бы способно дѣлать свое дѣло.

По обычному опредѣленію «мѣстнымъ самоуправленіемъ» признается такая форма административнаго управленія, при которой населенію предоставляется самостоятельное завѣдываніе чрезъ выборныхъ лицъ своими мѣстными дѣлами.

Согласно Положенія 1 января 1864 года завѣдываніе мѣстными хозяйственными дѣлами ввѣряется губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ, образованнымъ изъ лицъ, избираемыхъ плательщиками земскихъ налоговъ.

Учрежденія эти вѣдаютъ дѣла о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ губерній и уѣздовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, и кругъ ихъ дѣятельности, объединяя интересы всѣхъ сословій, чрезвычайно разнообразенъ и обнимаетъ такія серьезныя задачи, какъ заботы о (продовольствіи страны) народномъ образованіи, народномъ здравіи и устройствѣ и улучшеніи хозяйства.

Въ основѣ земства лежитъ выборное начало, и исполнительными органами являются земскія управы, уѣздныя и губернскія, которыя завѣдываютъ хозяйствомъ уѣздовъ и губерній.

Но еще ранѣе введенія земства въ существующихъ нынѣ крестьянскихъ обществахъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года была введена форма крестьянскаго самоуправленія, выраженная въ ст. 17 Положенія, а именно: «вышедшіе изъ крѣпостной зависимости крестьяне составляютъ по дѣламъ хозяйственнымъ «сельскія общества», а для ближайшаго управленія и суда соединяются въ «волости», при чемъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ и въ каждой волости завѣдываніе общественными дѣлами предоставлено «міру» и «его избраннымъ».

Такимъ образомъ, Положеніемъ 19-го февраля созданы для крестьянъ два органа мѣстнаго самоуправленія — «сельское общество» и «волость», и функціи ихъ дѣятельности очень близко подходятъ къ кругу тѣхъ дѣлъ, которыя въ позднѣйшее время были возложены на земство.

Изъ этихъ двухъ органовъ крестьянскаго самоуправленія «сельское общество» въ отношеніи не только хозяйственно-общественнаго своего управленія, но и въ отношеніи административномъ представляется вполнѣ законченной единицей и вмѣстѣ съ тѣмъ является единицей «естественной», какъ соотвѣтствующей потребностямъ сельскаго населенія.

Какъ таковая нормальная и законченная единица, сельское общество всецѣло, безъ измѣненія, должно войти въ составъ земства.

Слѣдующая затѣмъ единица, которая должна объединить группы отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, является «волость», но самое созданіе этой единицы было искусственнымъ и каждому, кому знакома жизнь крестьянскаго населенія, извѣстно, что волость въ настоящее время представляетъ собой органъ чисто административнаго управленія и въ очень малой степени выражаетъ собой «мірское начало».

Для этого стоитъ лишь припомнить, что на волостныя правленія возложенъ цѣлый рядъ дѣлъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ крестьянамъ, а именно: 1) доставленіе всевозможныхъ статистическихъ свѣдѣній, 2) исполненіе разнообразныхъ порученій присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, 3) врученіе повѣстокъ, объявленій и проч., 4) составленіе призывныхъ списковъ, 5) учетъ нижнихъ чиновъ запаса, 6) завѣдываніе военно-конской повинностью, 7) агентура по дѣламъ взаимнаго страхованія, 8) надзоръ за постройками въ селеніи, 9) торгово-промыш-

ленный надзоръ, 10) веденіе почтовыхъ операцій, 11) участіе въ операціяхъ сберегательныхъ кассъ; 12) продажа гербовыхъ знаковъ, 13) свидѣтельствованіе разнаго рода договоровъ и сдѣлокъ и проч. Словомъ, волостное правленіе является единицей общегосударственнаго, полицейскаго и фискальнаго управленія, и по существу, не касаясь земскихъ интересовъ сельскаго населенія, распространяетъ свое вѣдомство на широкій кругъ лицъ разныхъ сословій, тяготѣющихъ къ волостнымъ центрамъ, но между тѣмъ содержаніе волостныхъ правленій всею тяжестью ложится на однихъ крестьянъ.

Кромѣ того, ненормальность заключается еще въ томъ, что служба волостного старшины назначается по выбору, тогда какъ избирательное начало, въ примѣненіи къ бюрократическимъ органамъ, безповоротно осуждено нашей исторіей, и правительство не можетъ возлагать на земство избраніе своихъ административныхъ органовъ.

Такимъ образомъ, для крестьянскаго населенія de facto существуетъ лишь одинъ низшій органъ самоуправленія, это— «крестьянское общество».

Лица другихъ сословій, живущія въ уѣздѣ, согласно положенія о земствѣ, осуществляютъ свое право участія въ самоуправленіи страны, группируясь въ уѣздныя избирательныя собранія для выбора изъ среды своей земскихъ гласныхъ, которые вмѣстѣ съ гласными отъ крестьянъ входятъ въ составъ уѣздныхъ земскихъ собраній.

Исполнительными органами земства являются земскія управы, состоящія изъ лицъ, избранныхъ на земскихъ собраніяхъ.

При такой организаціи земства мы видимъ, что всѣмъ хозяйствомъ населенія и страны заправляютъ земскія управы и, слѣдовательно, чѣмъ болѣе эти органы освѣдомлены съ нуждами и потребностями населенія, тѣмъ совершеннѣй будетъ ихъ организація.

На практикѣ же слабая сторона земскихъ учрежденій въ имперіи заключается въ томъ, что органы земскаго самоуправленія слишкомъ удалены отъ населенія.

Истинная связь земскихъ учрежденій возможна лишь тогда, когда они будутъ пріурочены къ низшимъ всесловнымъ единицамъ, т.-е. тогда, когда будетъ созданъ низшій всесословный органъ,

который будетъ служить связью между земскими управами и интересами населенія.

Потребность этого единенія настолько ощутительна, что нѣкоторыя земства постановили учредить особую должность «волостныхъ земскихъ уполномоченныхъ» для наблюденія на мѣстѣ за ходомъ земскаго хозяйства.

Въ поискахъ за такимъ земскимъ органомъ въ послѣднее время нѣкоторыя земства остановились на учрежденіи «сельскохозяйственныхъ обществъ» малаго раіона дѣйствій и на «экономическихъ попечительствахъ». Такія мелкія сельскохозяйственныя общества за время своего существованія уже успѣли пробудить мѣстную иниціативу и во многомъ помогли завязать съ деревней живую связь, но главный ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что они лишь случайно и на неопредѣленное время объединяютъ небольшое число отдѣльныхъ хозяевъ и притомъ въ качествѣ союзовъ необязательныхъ могутъ также легко распадаться, какъ и возникать.

Всѣ эти общества, хотя, несомнѣнно, полезныя, не могутъ замѣнить мелкой земской единицы, которая одна только является живой органической связью съ населеніемъ и одна только способна обратить земства въ чисто «народное» учрежденіе.

Отличительные признаки мелкой земской единицы слѣдующіе: 1) она должна носить характеръ «обязательности», а не быть добровольнымъ союзомъ, 2) у нея должна быть точно опредѣленная территорія, 3) она должна имѣть характеръ всесословный, 4) должна пользоваться правомъ самообложенія, 5) должна войти въ точно опредѣленную связь и отношенія съ уѣздными и губернскими земскими учрежденіями и 6) она «не» должна обладать функціями полицейскими.

Переходя затѣмъ къ Черноморской губерніи, надлежитъ имѣть въ виду, что Черноморское побережье Кавказа по характеру мѣстности и хозяйства представляется чрезвычайно разнообразнымъ и исключительнымъ; что условія жизни и хозяйства въ разныхъ мѣстахъ побережья крайне трудны и требуютъ спеціальныхъ знаній и близкаго знакомства съ мѣстными условіями, и что, слѣдовательно, дѣятельность центральныхъ органовъ самоуправленія на побережьѣ поставлена въ еще болѣе сложныя и исключительныя рамки, а потому для правильнаго выполненія своихъ задачъ въ земскихъ учрежденіяхъ вызывается еще боль-

шая потребность единенія съ населеніемъ, что̀ можетъ быть достигнуто исключительно лишь при учрежденіи мелкихъ земскихъ органовъ самоуправленія.

Къ этому надлежитъ еще добавить, что заселеніе Черноморской губерніи еще не закончено и что участіе въ организаціи правильнаго хозяйства во вновь устраиваемыхъ поселеніяхъ, несомнѣнно, войдетъ также въ задачу земства. Опытъ доказалъ, что крестьянское хозяйство, основанное на посѣвахъ зерновыхъ хлѣбовъ, не можетъ тамъ процвѣтать, а переходъ къ болѣе совершенному хозяйству будетъ возможенъ лишь при участіи земства.

Словомъ, задачи будущаго земства на побережьѣ, очень серьезны.

Остановившись такъ долго на выясненіи какъ самой идеи земства, такъ и роли, предназначенной сыграть земству въ исторіи Черноморскаго побережья Кавказа, имѣлось въ виду отмѣтить значеніе вообще этой реформы мѣстнаго самоуправленія, которая, по справедливости, является вѣнцомъ, заканчивающимъ созидательную работу законодателя.

Всякое отступленіе отъ нормальныхъ требованій жизни не даетъ благопріятныхъ результатовъ. Въ настоящее время еще рано говорить о результатахъ введенія земства въ западныхъ губерніяхъ по новой формѣ, но, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы ежедневно читаемъ въ газетахъ, видно, что населеніе довольно апатично, если не сказать отрицательно, относится къ происходящимъ тамъ выборамъ гласныхъ. Не будучи знакомъ съ этимъ раіономъ имперіи, трудно разобраться въ причинахъ этого явленія, но во всякомъ случаѣ можно сказать, что наблюдаемыя событія указываютъ на ненормальность положенія, такъ какъ пассивное отношеніе населенія къ введенію реформы, которая должна возродить жизнь страны, можетъ вытекать или изъ того, что выработанная форма не гармонируетъ съ требованіями и условіями склада жизни или, что, быть можетъ, населеніе уже утратило вѣру къ тому, что ему дается.

При существующемъ представительствѣ въ странѣ земство должно быть тѣмъ органомъ, черезъ посредство котораго возможно получить наибольшую освѣдомленность о нуждахъ и потребностяхъ каждой управляемой мѣстности. Нашимъ высшимъ учрежденіямъ менѣе всего доступно узнать живыя нужды того или

другого раіона чрезъ тусклыя атмосферы подвѣдомственныхъ канцелярій. Бюрократическій порядокъ собиранія свѣдѣній хорошо всѣмъ извѣстенъ: для этого учрежденіе посылаетъ запросъ мѣстному губернатору, губернаторъ разсылаетъ циркулярныя требованія исправникамъ, исправникъ передаетъ требованіе для исполненія мѣстнымъ становымъ приставамъ, словомъ, выходитъ «дѣдка за рѣпку, бабка за дѣдку» и т. д., до тѣхъ поръ, пока запросъ не попадетъ въ послѣднюю инстанцію, т.-е. къ волостному писарю, отъ усмотрѣнія котораго уже зависитъ дать то или другое освѣщеніе предмету.

Живое дѣло требуетъ живыхъ путей; а такимъ путемъ можетъ явиться только земство, и потому было бы желательно возродить дѣятельность этого учрежденія. Желательно облегчить и установить для членовъ Государственной Думы возможность наиболѣе тѣснаго общенія съ органами мѣстнаго самоуправленія, дабы, ознакомившись на мѣстѣ съ нуждами населенія, они эти нужды могли бы доложить въ учрежденіе, въ которомъ они являются представителями отъ страны.

Вслѣдствіе сего нельзя не отмѣтить курьезности замѣтки, помѣщенной въ № 155 газеты «Русское Слово», гдѣ приводится выдержка изъ циркуляра одного губернатора, который рекомендуетъ мѣстной администраціи проявлять въ отношеніи членовъ Государственной Думы «въ случаяхъ обращенія ихъ по дѣламъ какъ личнаго, такъ и общественнаго характера осторожное отношеніе». Самый смыслъ слова «осторожное» указываетъ на необходимость кого-то остерегаться и можно подумать, что, слѣдовательно, существуетъ что-то, что надо затушевать, дабы правда не всплыла наружу.

Чтобы закончить настоящій очеркъ реформъ, которыя необходимы для населенія на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа, надлежитъ упомянуть еще о примѣненіи къ поселянамъ на побережьѣ права перехода къ подворному распредѣленію отведенныхъ имъ надѣловъ и права отчуждать свои надѣлы.

Въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о распространеніи на побережье закона 9 ноября 1906 года на томъ основаніи, что земли, отведенныя поселянамъ въ надѣлъ, принадлежатъ казнѣ и предоставлены лишь въ потомственное пользованіе, а потому необходимо создать новый законъ.

Водворенные въ этой окраинѣ, поселяне, какъ было уже

указано выше, владѣютъ своими надѣлами частью на общинномъ началѣ, частью же на смѣшанной формѣ владѣнія: подворной и общинной, при чемъ болѣе культурные поселяне, получившіе землю на общинныхъ началахъ, какъ-то: нѣмцы, эстонцы, чехи и, частью, нѣкоторые русскіе, при водвореніи подѣлили болѣе удобныя земли на подворные участки, оставивъ лишь выгонную землю и лѣсныя угодья въ общинномъ пользованіи. Но переходъ къ подворной формѣ владѣнія представляется неизбѣжнымъ въ виду того, что по характеру хозяйства побережье пригодно, главнымъ образомъ, для садоводства, виноградарства, огородничества и вообще для чисто интенсивныхъ культуръ, которыя исключаютъ возможность общиннаго владѣнія землей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что затрата труда и средствъ на организацію такого хозяйства слагаетъ главную стоимость обработанной подъ ту или другую культуру земли и что самая стоимость голой земли по отношенію къ сдѣланнымъ затратамъ является ничтожной, то надлежитъ дать возможность поселянину, въ случаѣ его ухода изъ деревни, реализовать сдѣланныя имъ затраты, т.-е. надлежитъ предоставить ему право продать то, что онъ вложилъ въ свою землю. Для этого, казалось бы, надлежитъ предоставить поселянамъ Черноморскаго побережья Кавказа право отчуждать свои участки по уплатѣ въ казну причитающейся по оцѣнки стоимости самой необработанной земли.

Реформа эта можетъ быть осуществлена лишь одновременно съ введеніемъ земства, такъ какъ при существующемъ громадномъ разнообразіи и колебаніи цѣнъ на земли на побережьѣ, въ зависимости отъ раіона, гдѣ расположена земля, отдаленности ея отъ пристани или торговаго центра, удобства самаго участка и т. д., одно только земство будетъ имѣть возможность справиться съ дѣломъ и установить болѣе правильную расцѣнку земель, каковая расцѣнка безъ того будетъ необходима земству для опредѣленія размѣра, подлежащаго къ уплатѣ земскаго сбора.

Заканчивая настоящія замѣтки и воспоминанія, было бы небезынтересно сдѣлать хотя бы попытку произвести нѣкоторый анализъ столь недавно пережитыхъ необычайныхъ передрягъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разобраться въ событіяхъ настоящаго.

Не скрою, задача эта трудная и во всякомъ случаѣ смѣлая, но вдумываясь въ картину настоящаго, для каждаго понятно, что получается такое впечатлѣніе, что слишкомъ много затрачено энергіи, много жертвъ принесено и въ результатѣ такъ мало достигнуто. Даже такія великія, дарованныя народу, милости и реформы, какъ народное представительство, свобода слова и печати, свобода союзовъ и собраній, свобода вѣроисповѣданій и т. д., всѣ понемногу сведены на нѣтъ. Можно сказать, пронесся циклонъ надъ страной, не оставивъ слѣдовъ и, если серьезно разобраться, то положеніе даже ухудшилось. До крайности сужено понятіе права личности и гражданственности, и каждый ощущаетъ гнетъ произвола. Дарованныя милости сведены къ громадному увеличенію числа административныхъ ссылокъ. При ликвидаціи пережитыхъ безпорядковъ нерѣдки случаи, когда лица, оправданныя по суду, ссылались въ административномъ порядкѣ. Самое понятіе «благонадежности» получило какое-то совсѣмъ иное значеніе, не соотвѣтствующее смыслу этого слова и, какъ оказывается, для этого не надо любить свою родину и быть преданнымъ престолу. По настоящему положенію благонадеженъ тотъ, кто держитъ носъ по вѣтру и приноравливается къ существующему теченію; благонадеженъ тотъ, кто обладаетъ гибкостью убѣжденій и умѣетъ лакейстовать передъ сильными. Эту картину настоящаго называютъ «періодомъ наступившаго умиротворенія», при чемъ говорятъ «успокоеніе» достигнуто, главнымъ образомъ, умѣньемъ справиться съ непорядкомъ, охватившимъ страну.

Но прежде всего наука исторіи народовъ насъ учитъ, что всѣ событія, переживаемыя страной, являются непремѣннымъ результатомъ цѣлаго ряда причинъ; что наличность извѣстныхъ причинъ неминуемо ведетъ къ опредѣленнымъ послѣдствіямъ и что когда положеніе достигаетъ наибольшаго напряженія и наступаетъ грозный протестъ и непорядокъ, то нельзя даже представить себѣ существованіе такой силы, которая могла бы предотвратить или измѣнить ходъ разразившагося событія. Отсюда выходитъ, что имѣется только одинъ способъ предотвратить опасность: это устранить причины, порождающія недовольство, что вполнѣ возможно и достижимо, если, изучая нарастающія потребности и нужды страны, стремиться разумно ихъ разрѣшить и удовлетворить.

Не подлежитъ сомнѣнію, что пережитые аграрные безпорядки не имѣли бы мѣста, если бы земельный вопросъ былъ своевременно разрѣшенъ, а въ будущемъ правильное рѣшеніе этого вопроса будетъ служить гарантіей спокойствія.

Такимъ образомъ, если неразумно было допускать накопленіе причинъ, вызвавшихъ протестъ и непорядокъ, то въ моментъ разразившейся энергіи наступленіе событія уже невозможно предотвратить. Равнымъ образомъ, когда событіе миновало и по нормальному ходу жизни и исторіи наступаетъ реакція и, слѣдовательно, успокоеніе, то можно только поздравить счастливаго правителя, который въ этотъ моментъ случился у власти, такъ какъ успокоеніе, наступившее помимо его воли и участія, отнесутъ къ его заслугамъ.

Этотъ законъ, управляющій жизнью народовъ, настолько непреложенъ, что искусственно, безъ накопленія роковыхъ причинъ, невозможно вызвать революцію, и потому до крайности узокъ кругозоръ лицъ, которыя полагаютъ, что путемъ злонамѣренной пропаганды возможно вызвать бунтъ и толкнуть толпу на непорядокъ. Это бываетъ возможно только въ минуту наступившаго крайняго напряженія, когда одна искра, одно слово человѣка, совсѣмъ случайнаго, можетъ увлечь толпу, но при нормальномъ ходѣ жизни это невѣроятно, и пропаганда нестрашна. Пускай бы въ настоящее время, при наступившемъ успокоеніи, кто-нибудь попробовалъ вести пропаганду среди рабочихъ; въ лучшемъ случаѣ съ любой фабрики его «на тачкѣ» вывезутъ и доставятъ прямо въ участокъ, а между прочимъ, нельзя еще похвастаться,

что наступило довольство и потребности страны удовлетворены.

Послѣ пережитаго высокаго напряженія энергіи нынѣ замѣчается настроеніе подавленное, близкое къ апатіи, и это, къ сожалѣнію, даетъ возможность безъ протеста отнимать дарованныя милости и вести страну назадъ, къ старому строю.

Этотъ старый строй, несомнѣнно, для многихъ милъ и желателенъ. По немъ, надо полагать, немало сокрушаются гг. интенданты, которые нынѣ, безъ различія ранговъ, переживаютъ столь непріятныя минуты на скамьѣ подсудимыхъ; жалѣютъ лица, близко стоящія къ разнымъ строительнымъ предпріятіямъ, которыхъ теперь такъ неделикатно стали безпокоить разными ревизіями; жалѣютъ, конечно, всѣ тѣ, которымъ такъ еще недавно жилось привольно и безконтрольно при старомъ режимѣ; жалѣютъ эти въ своемъ родѣ интенданты аристократіи, которымъ, на манеръ Вонлярлярскихъ, удавалось обдѣлывать свои дѣлишки и получать концессіи. Думаю на этомъ остановиться, такъ какъ каждый сумѣетъ безъ посторонней помощи пополнить списокъ лицъ, скорбящихъ объ утратѣ стараго строя.

При отмѣнѣ милости, дарованной народу, нерѣдко приходится слышать, что русскій народъ еще не доросъ до сознанія представительства; но если вспомнить 1864 годъ, когда былъ данъ судъ присяжныхъ, было дано земство, и притомъ земство «настоящее», не чета теперешнему, то народъ однако хорошо справился съ возложенными на него высокими задачами; справился, невзирая на то, что прошло лишь три года со дня отмѣны крѣпостного права и пробужденія сознательной жизни. Въ послѣдующее время, хотя всѣ эти великіе реформы и были урѣзаны и, главное, было сокращено до минимума стремленіе земства внести широкое распространеніе грамотности среди населенія, то тѣмъ не менѣе пробудившееся сознаніе уже не могло заглохнуть, и въ 1905 году народъ уже хорошо понималъ и сознавалъ положеніе и зналъ, чего надлежитъ добиваться, иначе и самый протестъ не выразился бы такъ рѣзко и опредѣленно.

Насколько сознаніе народа подвинулось впередъ за этотъ періодъ, несмотря на всѣ тормозы, которые выдвигались на пути можно наглядно убѣдиться, если сравнить тѣ непорядки или, какъ ихъ называли, «бунты», которые имѣли мѣсто послѣ 1861 года, съ непорядками, пережитыми въ 1905 году. Въ обоихъ слу-

чаяхъ напряженіе энергіи наблюдалось возвышенное; въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія тоже вѣдь было «хожденіе въ народъ», въ сущности та же пропаганда, но результатовъ она не имѣла, и, чтобы дать толчокъ къ бунту, надо было пустить въ ходъ небылицу, вродѣ сказки о существованіи «золотой грамоты», скрытой помѣщиками отъ народа. Въ 1905 году такой сказки никто не сталъ бы слушать, и только тѣ, которые живутъ изолированно отъ народа или умышленно не хотятъ его понять, могутъ говорить, что народъ еще не дозрѣлъ до реформъ.

Каждый здравомыслящій человѣкъ хорошо знаетъ, что ему нужно, и идея представительства заключается въ томъ, чтобы дать возможность странѣ заявить черезъ представителей о своихъ нуждахъ и обсудить цѣлесообразность и полезность предполагаемыхъ мѣропріятій, и потому весьма важно, чтобы эти выборные были бы дѣйствительно выразителями идеи народной и потребностей страны.

Но при такихъ условіяхъ поворотъ назадъ, къ старому режиму, не проходитъ гладко; невольно надо прибѣгать къ системѣ нажимовъ, и въ результатѣ создается положеніе, что просто смѣшно становится, когда случится читать въ газетахъ, что отъ такой-то мѣстности выбранъ «прогрессистъ», отъ такой то — «свободомыслящій», отъ такой-то «безпартійный», а соберутся въ кучку, напередъ знаешь—получаются одни только послушные.

Конечно, «послушаніе» есть высокая добродѣтель, и принципъ этотъ нынѣ проводятъ даже въ жизнь высокаго учрежденія, которому принадлежитъ толкованіе духа законовъ и разрѣшеніе возникающихъ затрудненій между учрежденіями по вопросамъ примѣненія законовъ, при чемъ, въ случаѣ проявленія излишней, нежелательной самостоятельности сужденія, стремятся привести къ послушанію путемъ урегулированія размѣра опредѣленнаго содержанія. Несомнѣнно, если такимъ способомъ, при существующей дороговизнѣ жизни, довести дѣло до голодовки, то можно надѣяться, что это благопріятно отразится въ смыслѣ полученія желаемаго отвѣта на предложенный вопросъ.

Другое учрежденіе въ отвѣтъ на выраженный подчиненными протестъ, принятый за ослушаніе, рѣшило ликвидировать науку. Лучшія силы науки, эти могиканы труда и знаній, изъяты изъ обращенія. Осиротѣла наша Alma Mater.

Мнѣ всегда представлялось, что эти свѣточи науки, которымъ

выпала завидная доля вести молодое поколѣніе къ зарѣ будущаго, принадлежатъ странѣ, составляютъ гордость и достояніе народа, а потому ликвидація ихъ не есть ли растрата богатства и достоянія страны? Какъ оцѣнить эту утрату? Какъ оцѣнить ущербъ, приносимый странѣ, что вступающее нынѣ въ жизнь новое поколѣніе останется безъ подготовки и руководителей? Въ жизни страны получится пробѣлъ, который никогда и ничѣмъ не удастся пополнить. Правда, обѣщаютъ послать комплектъ молодежи, по выбору начальства, за границу, въ существующіе тамъ питомники по скорой выгонкѣ профессоровъ всѣхъ спеціальностей, но результаты этой мѣры объявятся только черезъ три года.

Говоря объ этихъ заграничныхъ учрежденіяхъ по скорой выгонкѣ ученыхъ, невольно вспоминается доброе старое время, когда поводыри ученыхъ медвѣдей водили и разсказывали, что на Руси существуетъ «Сморгонская академія», гдѣ въ короткій срокъ медвѣдей обламываютъ и обучаютъ, но вѣдь академія эта давно упразднена.

Вспоминается также очень стародавній анекдотъ объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ, которое, говоря о достиженіи или, вѣрнѣе, выслуживаніи въ то время высокихъ ранговъ, выразилось такъ: «возьмите любого дурака, опредѣлите въ любой полкъ, и если Богъ дастъ здоровья, то будетъ генераломъ».

Конечно, намъ, людямъ темнымъ, стоящимъ вдали отъ очаговъ просвѣщенія, этого не понять, но несомнѣнно, въ учрежденіи, близко стоящемъ къ наукѣ, достовѣрно извѣстно, что если взять комплектъ молодежи, отвезти въ любой заграничный питомникъ науки, и если при этомъ Богъ пошлетъ имъ здоровье, то черезъ три года непремѣнно выйдутъ все ученые профессора.

По части землеустройства все вниманіе сосредоточено на ломкѣ общины и созданіи отрубныхъ, подворныхъ хозяйственныхъ единицъ.

Прислушиваясь къ разсказамъ, какъ нѣкоторыя общины, склонившись на увѣщанія, подѣлили землю на подворные участки—и въ результатѣ получился трагизмъ положенія, когда на мелкихъ участкахъ не умѣютъ и нельзя хозяйничать,—надлежитъ прійти къ заключенію, что, очевидно, самая реформа и способы ея введенія еще не соотвѣтствуютъ правовому сознанію крестьянства. А между тѣмъ принимаются всѣ

способы къ насильственному введенію реформы. При ожидаемой реорганизаціи Крестьянскаго банка предполагается выдавать ссуды на меліораціи лишь хуторянамъ, и такимъ образомъ, если бы общинѣ потребовалась ссуда для осушки, напримѣръ, болота съ цѣлью получить сѣнокосъ или для укрѣпленія рѣки, вешнія воды которой ежегодно производятъ подмывы и сносятъ посѣвы, то общинѣ въ томъ будетъ отказано.

Принаровиться къ новой формѣ землепользованія многіе крестьяне не умѣютъ и, не найдя возможнымъ хозяйничать на ограниченномъ тѣсномъ пространствѣ, ищутъ выхода въ продажѣ участковъ.

Нерѣдко въ газетахъ попадаются замѣтки, что многіе фабричные, ушедшіе изъ общества и много лѣтъ назадъ забросившіе свои надѣлы, которые не могли ихъ прокормить и были лишь обузой, съ опубликованіемъ закона являются въ общество, требуютъ свои законные надѣлы и, получивъ таковые, тутъ же, за что попало, ихъ продаютъ, а деньги,—деньги несутъ въ монопольку. Изъ-за выдѣловъ изъ общины возникаетъ также немало судебныхъ дѣлъ, и, говорятъ, скоро вся Россія будетъ судиться.

По опубликованнымъ даннымъ о дѣятельности землеустроительныхъ коммиссій съ января 1907 г. по январь 1911 г. усматривается, что за эти четыре года, невзирая на всѣ принятыя мѣры, заявили желаніе выйти изъ общины на хуторскіе отрубы лишь 963.000 дворовъ, каковая цифра по сравненію съ населеніемъ имперіи является весьма ничтожною.

Въ дальнѣйшемъ, надо полагать, что стремленіе къ переходу на хуторское хозяйство еще сократится, такъ какъ несомнѣнно болѣе сильные хозяева, которые находили для себя выгоднымъ перейти на хуторскіе отрубы, уже поспѣшили, по опубликованіи закона, воспользоваться своимъ правомъ. Затѣмъ не мѣшаетъ также исключить изъ общей суммы намѣченныхъ хуторскихъ хозяйствъ тотъ процентъ домохозяевъ, которые, по выходѣ изъ общины, пожелаютъ воспользоваться правомъ перепродать свои надѣлы, такъ что въ итогѣ ожидаемая нынѣ сравнительно небольшая цифра консервативныхъ хозяйственныхъ единицъ должна еще уменьшиться.

Далѣе, за тотъ же четырехлѣтній періодъ, при участіи землеустроительныхъ комиссій, было скуплено банкомъ земель 5.037.000 десятинъ, но распродажа ихъ, несмотря на существую-

щій въ центральныхъ губерніяхъ имперіи земельный голодъ, подвигается весьма туго, и изъ всего указаннаго количества за четыре года банку удалось перепродать лишь 281.000 десятинъ. Такое положеніе объясняется лишь тѣмъ, что земли скупались не по соображенію съ нуждами крестьянъ и притомъ по слишкомъ высокой цѣнѣ, не доступной для перепродажи крестьянамъ и не покрывающей изъ доходовъ расхода на погашеніе банковскаго долга, лежащаго на землѣ.

Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ: имѣется свободная наличность земли, но по цѣнѣ она не доступна крестьянамъ, а банкъ комиссіи наградили несбываемыми землями, которыя служатъ большимъ бременемъ.

Для проведенія въ жизнь реформы землеустройства въ 1907 г. работало 720 межевыхъ чиновъ; въ 1910 году число межевыхъ чиновъ въ землеустроительныхъ комиссіяхъ возросло до 5120 человѣкъ, но выполнить они могли лишь половину намѣченныхъ работъ.

За тѣ же четыре года землеустроительными комиссіями было выдано ссудъ и безвозвратныхъ пособій 12.410.000 руб., при чемъ этою цифрою была оказана помощь лишь 157.561 хуторянамъ.

Спрашивается: какъ велика должна быть та сумма, которая потребуется на все земельное переустройство Россіи?

Не подлежитъ сомнѣнію, что реформой создадутся и прочныя хозяйственныя единицы изъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ, которые будутъ скупать участки, но рядомъ окажется еще большее количество выброшенныхъ за бортъ изъ деревни бездомныхъ горемыкъ, о судьбѣ которыхъ надлежитъ подумать, иначе создастся слишкомъ большой процентъ безземельнаго, голоднаго пролетаріата, который на много превыситъ спросъ рабочаго труда въ нашихъ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Если съ точки зрѣнія административной вводимая реформа преслѣдуетъ цѣль создать въ деревнѣ господство устойчивыхъ консервативныхъ элементовъ, то для учрежденія, прямая задача котораго заключается только въ томъ, чтобы дать странѣ землеустройство, такая фискальная цѣль, или, вѣрнѣе, цѣль, не входящая въ программу предъявленныхъ къ учрежденію требованій, не можетъ служить оправданіемъ къ отклоненію дѣятельности отъ прямой задачи.

А, главное, надлежитъ помнить, что сытый и обезпеченный человѣкъ менѣе всего склоненъ къ революціи и что только хорошо поставленное землеустройство можетъ дать сытость и обезпеченность населенію.

По части переселенія дѣло обстоитъ не лучше. По опубликованнымъ на 7-е іюня даннымъ усматривается, что въ текущемъ году движеніе переселенцевъ въ Сибирь и другія мѣста зауралья на половину сократилось противъ движенія переселенцевъ за тотъ же періодъ времени, т.-е. за первые пять съ небольшимъ мѣсяцевъ 1910 года (именно: 237.711 душъ въ 1910 году и 113.952 души въ 1911 году). Что же касается обратнаго движенія, то въ прошломъ году число вернувшихся переселенцевъ за первые пять мѣсяцевъ достигло 26.660 душъ, въ текущемъ же году выразилось въ цифрѣ 24.953 человѣка. Такимъ образомъ, въ результатѣ, если принять въ соображеніе, что движеніе переселенцевъ въ Сибирь въ этомъ году сократилось на половину противъ прошлаго года, то обратное движеніе вернувшихся въ этомъ году переселенцевъ увеличилось почти на 50% противъ 1910 года.

Интересно отмѣтить свѣдѣнія, сообщаемыя отъ 8 августа 1911 г. изъ «Сызрани» (газетн. корресп. «Русс. Сл.» № 182) о движеніи переселенцевъ, когда черезъ этотъ пунктъ, ежедневно проходитъ въ Сибирь, до 150 переселенцевъ, а обратно изъ Сибири ежедневно возвращается до 600 и болѣе переселенцевъ. Возможно подумать, что совершается обратное заселеніе имперіи за счетъ Сибири.

Можно надѣяться, что если еще будетъ проведено въ жизнь предположеніе изъять изъ переселенческаго фонда лучшія и болѣе удобныя земли для образованія участковъ съ цѣлью насажденія въ Сибири проектируемыхъ крупныхъ хозяйственныхъ консервативныхъ единицъ, каковые участки предполагается отчуждать въ частную собственность за деньги лицамъ безъ различія сословій, то несомнѣнно, это также отразится на увеличеніи обратнаго движенія переселенцевъ изъ Сибири и, во всякомъ случаѣ, успѣшному ходу переселенія мало будетъ способствовать то, что переселенцевъ станутъ водворять на земляхъ худшихъ и менѣе удобныхъ.

Право, грѣшно забывать аксіому, что только созданіе прочныхъ крестьянскихъ хозяйственныхъ единицъ составляетъ основу земледѣльческой страны.

Если въ дальнѣйшемъ проводимыя въ жизнь реформы пойдутъ намѣченнымъ путемъ, то въ грядущемъ можно нарисовать слѣдующую физіономію государства «будущаго». Когда-то стоявшее во главѣ помѣстное дворянство, утрачивая съ каждымъ годомъ земельный фондъ свой, до крайности разрѣдится и потеряетъ значеніе; крестьяне—менѣе состоятельные, поставленные въ необходимость, съ уничтоженіемъ общины, уйти изъ деревни, распродавъ свои надѣлы, уйдутъ въ массу безземельнаго пролетаріата и будетъ благоденствовать лишь искусственно созданное третье сословіе, сложившееся въ прочныя хозяйственныя единицы вполнѣ консервативнаго характера. Но такъ какъ при распредѣленіи богатства большинство всегда остается на сторонѣ бѣдноты, то этотъ искусственно созданный консервативный элементъ, составляющій меньшинство, не будетъ служить гарантіей спокойствія и, слѣдовательно, благоденствіе и устойчивость жизни страны не будетъ обезпечена. Напротивъ того, созданный элементъ пролетаріата, какъ болѣе многочисленный и притомъ голодный, всегда будетъ вносить залогъ къ непорядку.

Въ итогѣ обидно, что дѣятельность реформы направлена къ организаціи консервативнаго меньшинства, которое поглотитъ и помѣстное дворянство и сложится за счетъ разореннаго и обездоленнаго крестьянства.

Но довольно пересчитывать эти странички безотраднаго положенія нашего строя; пора обратиться къ другой, козовой сторонѣ дѣятельности по преслѣдованію всякаго рода злоупотребленій, когда по очереди выбрасываются за бортъ чрезъ скамью подсудимыхъ цѣлыя партіи проворовавшихся интендантовъ, не въ мѣру зарвавшихся строителей и даже такіе тузы, какъ господинъ Рейнботъ, но если вдуматься въ эту грустную эпопею жизни, то все это лишь частности, которыя могутъ служить только для того, чтобы отвлечь вниманіе общества отъ сути и трагедіи жизни; это, какъ говорится, забава, не болѣе, какъ сладкіе леденчики, которые даютъ пососать, чтобы «ротъ не гулялъ».

Развернувъ такимъ образомъ картину современнаго положенія, предоставляю каждому, кто любитъ родину и преданъ престолу, отвѣтить на вопросъ, поставленный еще у Щедрина: «Куда мы идемъ?», и по-своему рѣшить: идемъ ли мы впередъ къ свѣту и прогрессу, или назадъ, къ роковому прошлому.

Какъ человѣкъ маленькій, я уже струсилъ, такъ какъ мнѣ чудится, что мы идемъ по пути подготовки тѣхъ роковыхъ причинъ, чрезмѣрное накопленіе которыхъ такъ непріятно разразилось въ 1905 году.

М. Краевскій.

19 іюня 1911 года.
Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рядомъ съ жизнью трудовой, рабочей на побережьѣ зарождается жизнь нарядная, курортная.

И та и другая сфера вноситъ въ программу много интереснаго, разнообразнаго и новаго. Избитые мотивы намъ прискучили. Человѣкъ ищетъ новыхъ ощущеній. Они его манятъ.

Жизнь трудовая, благодаря особымъ, исключительнымъ условіямъ края, даетъ широкій просторъ для всякаго интеллигентнаго предпринимателя. Программа отраслей хозяйства и культуръ, которыя могутъ найти тамъ примѣненіе, до крайности разнообразна.

Правда, принимаясь за дѣло, вначалѣ васъ давитъ могучая сила природы; вамъ предстоитъ тяжелая борьба съ мощной, дикой растительностью, которая заглушаетъ и губитъ сдѣланныя посадки, и только когда вы побѣдите природу и заставите ее работать въ желанномъ направленіи, получаются результаты. И тогда только вы поймете, что становитесь властелиномъ природы и что отъ васъ зависитъ направить ея энергію по желанному пути. Эта энергія такъ велика, что, посадивъ, напримѣръ, фруктовое однолѣтнее деревцо, при извѣстномъ уходѣ вы черезъ годъ можете добиться плодоношенія; можете въ теченіе лѣта любой ростовой побѣгъ обратить въ цвѣточную завязь и на слѣдующій годъ получить въ желаемомъ мѣстѣ плодъ. Такая работа разумна, не шаблонна; она увлекаетъ и, слѣдовательно, до извѣстной степени создаетъ новые интересы и даетъ возможность забытся отъ того гнета, который на всѣхъ насъ налагаетъ жизнь.

Жизнь вообще скупа и рѣдко кому даритъ счастье. Всякую удачу приходится брать съ боя и въ большинствѣ случаевъ то счастіе, къ которому долго и упорно стремишься, оказывается миражемъ. Склониться передъ нуждой и уйти изъ жизни—есть

слабость, это бѣгство съ поля брани. Можно долго выносить гнетъ жизни, но для всякаго наступитъ моментъ, когда онъ все переломаетъ и снова, если сильный, выйдетъ побѣдителемъ изъ обломковъ пережитаго. Работа, и одна только работа есть тотъ регуляторъ, который доставляетъ отдыхъ и умиряетъ протестъ: она даетъ энергію переносить неудачу и даетъ удовлетвореніе въ достиженіи тѣхъ или другихъ наглядныхъ результатовъ. Ваше созданіе васъ радуетъ; это—ваша гордость; оно даетъ удовлетвореніе.

Переживаемый строй соціальныхъ условій жизни, неудовлетворенность общихъ и въ каждомъ человѣкѣ его частныхъ стремленій и идеаловъ такъ велико, что каждый ищетъ выхода. Если вдуматься въ стремленіе толстовцевъ «осѣсть на землю», то не есть ли это также исканіе выхода, но это только легчайшій способъ выхода, шаблонный и стадный. Не всякій способенъ включить свою жизнь въ извѣстную готовую рамку. Болѣе сильный создаетъ для себя свою схему, создаетъ себѣ свое дѣло, открываетъ новые горизонты,—и тѣмъ отвлекаетъ мысль отъ окружающаго кошмара жизни. Все это доставляетъ ему наслажденіе, отдыхъ и, слѣдовательно, удовлетвореніе.

Чѣмъ разнообразнѣе условія, къ которымъ вы можете примѣнить свою дѣятельность, тѣмъ легче найти выходъ, и въ этомъ отношеніи работа на Черноморскомъ побережьѣ Кавказа является наиболѣе заманчивой и результатной.

Рядомъ съ этой жизнью на побережьѣ идетъ жизнь нарядная, курортная. Для коренныхъ обывателей она вноситъ новые интересы, освѣжаетъ обыденный, сѣренькій колоритъ существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ извѣстную прибыль, заработокъ; для ближайшихъ селеній обезпечиваетъ сбытъ своихъ продуктовъ и вообще служитъ подспорьемъ къ увеличенію за счетъ пріѣзжихъ бюджета обывателей.

Начиная съ ранней весны и до глубокой осени, идетъ смѣна лицъ, которыя пріѣзжаютъ ради поправленія здоровья въ хорошемъ климатѣ, покупаться въ морѣ или просто отдохнуть послѣ утомительной будничной работы. Въ нашъ нервный вѣкъ такая перемѣна мѣста, обстановки и впечатлѣній необходима и благотворно дѣйствуетъ на каждаго.

Выйдя изъ душнаго, пыльнаго вагона, дальнѣйшій переѣздъ на пароходѣ уже даетъ много прелести. Лѣтомъ море тихо. Ла-

зурная даль горизонта ласкаетъ утомленный взоръ; полуденный зной и свѣжій бодрящій воздухъ васъ нѣжатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаютъ усталую энергію. Человѣкъ чувствуетъ себя сильнымъ, здоровымъ, жизнерадостнымъ, а это такъ хорошо и такъ рѣдко случается въ жизни.

Бѣжитъ пароходъ, оставляя позади бурливый слѣдъ. Съ одной стороны море—безконечное, величественное; съ другой—очертанія берега и причудливо смѣняющаяся панорама рельефа горъ; вотъ вдали показалась снѣжная вершина, окутанная въ дымкѣ облаковъ, алмазнымъ блескомъ заискрился глетчеръ, и все это такъ ново, такъ непривычно на фонѣ сочной зелени южной растительности.

На пристаняхъ—непривычная суета и гортанные звуки чуждыхъ вамъ нарѣчій и народностей; въ живописныхъ лохмотьяхъ вырисовываются смуглыя лица и бронзовые мускулистые торсы; все это набрасывается на пріѣзжаго, хватаетъ вещи и куда-то тащитъ.

Надо оговориться, что въ широкомъ значеніи слова, правда, съ маленькой натяжкой, все Черноморское побережье Кавказа претендуетъ на званіе курорта, и не буду вамъ совѣтовать выражать хотя бы тѣни сомнѣнія, если какой-нибудь коренной житель Новороссійска станетъ восхвалять прелести своего города съ его удушливымъ и пыльнымъ зноемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ и знаменитыми нордъ-остами зимой. У насъ на побережьѣ «всякъ куликъ свое болото хвалитъ», и до того восхваляетъ, что иного неопытнаго и довѣрчиваго пріѣзжаго загонитъ въ такую трущобу, что жизни радъ не будешь. Къ тому же и факты налицо, и тотъ же Новороссійскъ лѣтомъ до того переполненъ пріѣзжей публикой, что даже дровяной сарайчикъ, при нѣкоторомъ приспособленіи, сходитъ за квартиру для пріѣзжаго. И живутъ люди, и не претендуютъ даже, когда среди лѣта струя жгучаго нордъ-оста въ одинъ день испепелитъ всю листву на тощихъ деревцахъ общественнаго садика и голыя вѣтви уныло тянутся въ высь, не давая желаемой тѣни и прохлады.

А зимой что̀ дѣлается, то трудно и описать. Одно можно сказать, что еще задолго до одержанной нынѣ побѣды надъ воздухомъ новороссійцамъ были хорошо знакомы ощущенія авіаціи, и зимой, во время хорошаго нордъ-оста, когда передвиженіе по городу бываетъ возможно только придерживаясь за стѣны до-

мовъ, нерѣдко, переходя улицу, рискуешь попасть въ авіаторы и побить рекордъ состязанія съ какимъ-нибудь Уточкинымъ или Ефимовымъ. Бывали случаи, когда сорванная съ дома крыша возьметъ призъ на скорость, и растерявшемуся хозяину приходится затѣмъ разыскивать улетѣвшую крышу гдѣ-нибудь верстъ за 30 отъ своего дома. Извозчиковъ въ это время вы не найдете, а когда одна гостиница, ради удобства публики, завела карету, и карету эту при переѣздѣ съ вокзала нѣсколько разъ перевернуло на всѣ лады, то дальнѣйшіе рейсы были прекращены за ненахожденіемъ любителей сильныхъ ощущеній. Но довольно объ Новороссійскѣ. Опасаясь недружелюбныхъ нареканій мѣстныхъ обывателей, спѣшу опустить завѣсу, и извиняюсь за сдѣланныя маленькія разоблаченія. Какъ оправданіе своей болтливости могу напомнить, что еще гораздо раньше меня злополучный Одиссей въ своей Энеидѣ повѣдалъ намъ, какъ живущія въ расщелинахъ скалъ близъ Новороссійска «гарпіи» съ безумной яростью набрасываются на путника и всюду несутъ за собой смерть и разрушеніе.

Но вотъ вы у цѣли предпринятаго путешествія. Красивый, не шаблонный городокъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Дома—типа дачныхъ построекъ; красивые садики; стройныя пальмы, какіе-то незнакомые вамъ кустарники и деревца южной растительности, и повсюду масса розъ и розъ васъ очаровываетъ. Наконецъ, вы устроились, и если вы не очень требовательны и пріѣхали не съ тѣмъ спеціально, чтобы веселиться, то вы довольны своимъ тихимъ уголкомъ, гдѣ можете, дѣйствительно, отдохнуть.

До настоящаго времени Черноморское побережье Кавказа, несмотря на громкое названіе «курорта», пригодно только для тихой, нетребовательной, некапризной и неизбалованной публики. Для нарядной публики, которая ищетъ развлеченій, шумной и веселой жизни, оно еще не доросло, и такихъ организацій, которыя удовлетворяли бы требованіямъ роскоши и каприза, тамъ вы не найдете. Нѣтъ, напримѣръ, хорошаго оркестра музыки, нѣтъ хорошо обставленнаго общественнаго сада, который бы въ извѣстные часы служилъ сборнымъ пунктомъ для выставки дамскихъ нарядовъ и излюбленнымъ мѣстомъ свѣтскаго флирта. Даже такіе исключительные пункты, какъ Гагры, которые при самомъ возникновеніи задались цѣлью создать модный

русскій курортъ для богатой, изнѣженной и избалованной публики, далеко не отвѣчаетъ этой задачѣ. Напротивъ того, эта попытка сдѣлать что-то особенное, но изъ которой, къ сожалѣнію, такъ мало вышло, навѣваетъ досаду и неудовлетворенность.

По первому впечатлѣнію тамъ все—чудо, какъ хорошо. Мѣстность—очаровательна, а вечеромъ, когда весь пляжъ, обращенный въ паркъ, засвѣтится огнями, то получаемая картина—фантастична.

Но вотъ вы пріѣхали. Съ лихорадочной жадностью обѣгали всѣ красивые уголки, все осмотрѣли, и когда немного притупятся первыя впечатлѣнія красоты, то вы начинаете скучать. Нѣтъ людей; нѣтъ интереснаго общества; немногочисленные пріѣзжіе бродятъ какъ-то вяло, словно, сонныя осеннія мухи. Пойдете на музыку—пустынно и къ тому еще васъ оглушаютъ военные трубные звуки. Въ ресторанѣ за обѣдомъ гремятъ тѣ же барабаны, и своего сосѣда вы не слышите; ищите какого-нибудь отдаленнаго уголка, подальше отъ барабановъ, или предпочитаете приходить въ ресторанъ въ такіе часы, когда своды не потрясаются трубными звуками, отъ которыхъ, навѣрное, не устояли бы стѣны Іерихона.

Словомъ, въ теченіе какихъ-нибудь 2—3 дней весь репертуаръ исчерпанъ, вы скучаете и спѣшите куда-нибудь сбѣжать.

Задумаете, скуки ради, заглянуть въ читальню, но увы, это одно только громкое названіе, красиво выгравированное на стеклянной двери. На столѣ лежитъ одна-двѣ газеты, наиболѣе строго выдержаннаго направленія, и растрепанная иллюстрація, и въ результатѣ вы раздражаетесь: по какому праву васъ, человѣка, уже установившагося, стремятся непремѣнно подчинить какому-то воспитательному, педагогическому режиму. Каждое общественное мѣсто, гдѣ ожидается наплывъ самой разнородной пріѣзжей публики, должно прежде всего стремиться, по возможности, удовлетворить этимъ разнообразнымъ требованіямъ, а потому, если каждая газета, преслѣдующая какое-нибудь крайнее направленіе, будь то правое или лѣвое, уже вызываетъ чувство раздраженія, то тѣмъ болѣе становится досадно, если вамъ даже не даютъ выбора и насильно навязываютъ то, что кому-то, помимо васъ, почему-то нравится.

Правда, на побережьѣ можно показать экземпляры такихъ индивидуумовъ, которые теперь играютъ въ консерватизмъ,

тогда какъ недавно еще, въ дни революціи, цѣловали на трибунѣ красный флагъ, но во всякомъ случаѣ, такая вѣтренность убѣжденій не есть еще аксіома, не говоря уже о томъ, насколько заслуживаетъ довѣрія такая форма проявленія политической благонадежности.

Но если, съ одной стороны, устроители нашихъ модныхъ курортовъ не умѣютъ и безсильны создать что-нибудь толковое, то, съ другой стороны, и въ самомъ характерѣ нашей русской нарядной пріѣзжей публики лежитъ какая-то особенность, которая создаетъ режимъ скуки.

Прежде всего въ самомъ передвиженіи наблюдается какая-то наслѣдственность стараго строя, когда въ былое время отъѣзжающая помѣщичья семья забирала съ собой чуть не весь свой домашній скарбъ. Теперь также васъ поражаетъ обиліе багажа и, главнымъ образомъ, ручного багажа, который окончательно парализируетъ существующія удобства путешествія. Эта масса вещей васъ давитъ, раздражаетъ и, въ концѣ концовъ, надоѣдаетъ.

Затѣмъ, самый личный составъ пріѣзжающей публики имѣетъ свои индивидуальныя особенности. Пріѣзжающій на вакантъ высокій сановникъ въ большинствѣ случаевъ держитъ себя совершенно изолированно. Общенія съ людьми онъ избѣгаетъ и неуклонно блюдетъ свой престижъ и недосягаемость. Въ результатѣ, исколесивъ всю Россію, онъ ничего не видѣлъ, ничего не узналъ, никакихъ новыхъ впечатлѣній не воспринялъ, и проскучавъ въ одиночествѣ предѣльный срокъ ваканта, доставляется обратно въ исходный пунктъ, какъ нѣкій драгоцѣнный фруктъ, герметически закупоренный и изолированный отъ прикосновенія внѣшнихъ микробовъ.

Богатый изнѣженный баринъ или разбогатѣвшій не въ мѣру коммерсантъ держитъ себя также обособленно и важности ради избѣгаетъ сливаться съ толпой и въ результатѣ также скучаетъ.

Наконецъ, идетъ средній, заурядный пріѣзжій, это мы, смертные, но въ модныхъ курортахъ для насъ жизнь слишкомъ не по карману, а потому любопытства ради, заглянешь ненадолго въ святилище и, удостовѣрившись, что тамъ скучаютъ, спѣшишь повернуть оглобли.

Вотъ почему тамъ безлюдно: не въ мѣру важные и богатые люди не хотятъ быть людьми, а менѣе богатые—спѣшатъ уѣхать. Гдѣ-нибудь за границей все это сглаживается и наши бутафорные

великаны слѣзаютъ съ своихъ ходуль и, по мѣрѣ возможности, становятся людьми.

Нѣтъ, для заурядной публики нашъ черноморскій курортъ мало пригоденъ. Въ другихъ уголкахъ побережья, не взирая на нѣкоторыя неустройства, живется лучше и больше по душѣ. Люди тамъ проще, встрѣчаютъ васъ привѣтливѣе и легче съ ними сойдешься, а главное, красота природы, мощной растительности и величіе море васъ очаровываетъ.

Въ часы прибытія пароходовъ на пристаняхъ, въ видѣ развлеченія, нерѣдко собирается болѣе нарядная публика; свѣжія, немного загорѣлыя лица производятъ пріятное впечатлѣніе; у всѣхъ цвѣты и, главнымъ образомъ, розы—этотъ нѣжный привѣтъ юга.

На почтѣ суета; идетъ спѣшная разборка почты; толпятся пріѣзжіе, въ чаяніи, когда откроется завѣтное окошечко и получишь ожидаемую далекую вѣсточку, а вечеромъ на бульварѣ играетъ музыка, правда, скверная, но все же музыка, и можно потолкаться, а дѣтямъ порѣзвиться и потанцовать.

Для любителей спорта устраиваются прогулки въ горы, и тотъ, кто выносливъ и хорошо ходитъ, увидитъ много интереснаго.

Поѣздка по Черноморскому прибрежному шоссе, особенно къ югу отъ Сочи, даетъ много красивыхъ ощущеній.

Въ прежніе годы, въ дни расцвѣта побережья, одинъ неустрашимый предприниматель завелъ даже автомобиль-омнибусъ для удобства сообщенія, но автомобиль скоро испортился, пересталъ ходить и его стали даже считать «недвижимымъ» имуществомъ владѣльца, но въ минувшемъ году, въ виду особаго оживленія пріѣзжей публики, этотъ «Ноевъ ковчегъ» неожиданно, къ общему удивленію, проявилъ судороги жизни и со скрипомъ, трескомъ и немалыми остановками, вслѣдствіе нѣкоторыхъ изъяновъ, сталъ снова возить публику. Сначала было, опасались ѣздить, а потомъ свыклись и—ѣздили.

Особенно пріятно въ компаніи предпринять (ненадолго) поѣздку въ Гагры; дорога вьется вдоль берега моря и по красотѣ—очаровательна. Для этого обыкновенно нанимаютъ на биржѣ извозчика и ихъ 4-мѣстные экипажи, которые носятъ названіе «фаэтоны», довольно спокойны и не утомительны.

Поѣздку въ горы, по Краснополянскому шоссе, можно на-

звать прямо волшебной и, сколько бы разъ вамъ не пришлось проѣзжать по этому пути, каждый разъ вы открываете новыя величественныя картины. Конечный пунктъ путешествія—это Красная поляна, по-черкесски «Кбааде», историческое мѣсто, гдѣ въ 1864 году, послѣ торжественнаго молебствія, въ присутствіи Великаго Князя Михаила Николаевича, была закончена Кавказская война и край былъ объявленъ русскимъ.

Въ позднѣйшее время тамъ возникъ греческій поселокъ, нынѣ переименованный въ городъ «Романовскъ». Особенность этого поселка заключалась въ томъ, что болѣзней тамъ никогда никакихъ не бывало, въ поселокъ никогда не заглядывали доктора и люди умирали только отъ старости, но было ли это послѣдствіемъ здороваго климата или результатомъ отсутствія врачей—точно не установлено.

Существующій, правда еще на бумагѣ городъ «Романовскъ» расположенъ у подножія главнаго Кавказскаго хребта въ живописной нагорной долинѣ, окаймленной со всѣхъ сторонъ отрогами горныхъ кряжей, склоны которыхъ поросли пихтовымъ лѣсомъ, а вершины увѣнчаны снѣгомъ. Климатъ умѣренный и дышется тамъ особенно легко. Особенно тамъ еще хороша вода: холодная и вкусная, которая по канавкамъ проведена почти къ каждому дому изъ горной рѣчки, вытекающей изъ глетчера, называемой «Бешь», но справедливо переименованной въ «Бѣшеную» рѣчку. Гостиница въ Красной полянѣ «Ачишхо», названная такъ въ честь ближайшей горной вершины, уютна и, главное, тамъ хорошо, недорого и обильно кормятъ, что особенно важно, такъ какъ въ горахъ аппетитъ всегда бываетъ волчій.

Изъ Красной поляны нетрудно подняться на ближайшіе отроги главнаго хребта и побывать на высотѣ альпійскихъ пастбищъ и дойти даже до глетчеровъ. Лѣтомъ часто можно встрѣтить возвращающихся съ горъ экскурсантовъ, украшенныхъ вѣнками цвѣтовъ альпійской флоры.

Дальше въ горахъ—охота, и такая охота, о которой даже трудно мечтать и имѣть представленіе.

Случится быть въ Красной полянѣ, разыщите грека Панаіота Попова и онъ разскажетъ вамъ, какъ ходилъ проводникомъ на вершину горы «Чугуса» и какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ застигла снѣжная пурга и чтобы не замерзнуть онъ залѣзъ въ шкуру только что убитаго медвѣдя. Разскажетъ, какъ въ другой разъ, съ пріѣзжими

изъ Москвы охотниками, Левашевымъ и Терскимъ, завалило снѣгомъ въ горахъ и одиннадцать дней пришлось отсиживаться. Разскажетъ, какъ послѣ того окоченѣвшихъ охотниковъ онъ отпаивалъ спиртомъ, настоеннымъ на жукахъ, которыхъ онъ собиралъ въ горахъ по порученію одного любителя, сочинскаго коллекціонера.

Снарядившись на охоту съ добрымъ товарищемъ горцемъ, вы удивитесь, сколько удали и умѣнья онъ вамъ покажетъ, когда придется скрадывать звѣря. Сколько разъ, рискуя собой, вызволитъ васъ изъ бѣды, и сдѣлаетъ это просто, словно, заслуги въ томъ нѣтъ...

Привѣтъ вамъ, милыя тѣни прошлаго...

Поди, ужъ многіе ушли. Который палъ въ кровавой схваткѣ съ звѣремъ; или, сорвавшись съ кручи, на днѣ ущелья нашелъ обычную могилу, зарывшись въ саванъ пушистаго снѣга. Покровомъ служитъ черная туча, что нависла надъ скалой. Порой лучъ солнца прорѣжетъ мглу и озаритъ прекрасное чело, а наверху паритъ орелъ, ужъ выслѣдивъ добычу. Коль спросите о немъ, разсказъ недлиненъ: «въ горы ушелъ, домой не вернулся». Поплакала жена; другой утѣшилъ—порядокъ обычный.

Кому не задалась жизнь иль надо затушить безумія порывы—забвенье вы даете. Скитаясь по горамъ или выслѣживая звѣря—забавѣ отдаешься, порой на жизнь и смерть вступая въ споръ.

Есть прелесть въ смѣнѣ страха и отваги, когда собой рискуя, на карту ставишь жизнь и, одолѣвъ преграду, надеждой грудь полна. Чего-то ждешь тогда и чудится, что счастье близится, что пережитымъ горемъ ужъ куплено оно. Ужъ близокъ уголокъ, куда войдешь желаннымъ гостемъ; конецъ скитанья, и отдохнешь въ кругу родныхъ и близкихъ.

«Своя семья», «свой домъ»—какъ ласково и нѣжно твердитъ глубокаго значенія слова...

Но гдѣ-жъ вы, близкіе? не уходите... Увы... то были лишь мечты...

Отверженный, осмѣянный отходитъ путникъ одинокій, клеймятъ его обиднымъ словомъ за то, что вѣрилъ онъ и сердцемъ жилъ, забывъ холоднаго разсудка счеты...

А жизнь идетъ и строитъ новыя забавы.

Измученный, онъ тянетъ руки къ кубку жизни...

Глядишь, ты снова здѣсь, и снова манишь къ счастью, къ

свѣту;—сулишь ты снова то, что жизни смыслъ даетъ, что тихой пристанью зовется—къ чему всю жизнь стремился и обжигался.

Кажись, и путь намѣченъ; но увы, не розы то: то ельникъ, что намѣчаетъ путь къ послѣднему жилищу.

Такъ жизнь прошла. Но не исжита. Порой ключомъ кипятъ желанія и снова манятъ вдаль—къ миражу.

И мысль работаетъ и куда-то уноситъ—гдѣ греза и дѣйствительность сплетаются....

Что это? бредъ фантазіи? или безумія начало?

И мощь ощущается. Едва коснувшись стремени, взлетаешь на коня; волненьемъ грудь полна, и хочется скакать, снова умчаться. Но куда? Зачѣмъ? Разбиты вѣрованія; повержены кумиры... Кругомъ темно...

Гдѣ ты, небеснаго свѣта звѣзда, что манишь и счастіе даришь? Померкла, иль свѣтишь другому?

А впереди мгла, туманъ и... страшно вымолвить...—одиночество.

М. Краевскій.

Цѣна 60 коп.

